

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Диана
УДОВИЧЕНКО

Новинка
от автора
"Зеркал судьбы"
и "Истории
бастарда"

КЛИНОК
ИНКВИЗИЦИИ

Междумирье

Диана Удовиченко

Клинок инквизиции

«Автор»

2013

Удовиченко Д. Д.

Клинок инквизиции / Д. Д. Удовиченко — «Автор»,
2013 — (Междумирье)

Когда твой заклятый враг увлекается мистикой и темными практиками, следует быть осторожнее. Отправляясь на задержание опасного преступника, капитан ФСБ Данил Платонов мог ожидать чего угодно, только не путешествия в мрачное Средневековье. В маленьком германском городке процветает колдовство, лютует инквизиция и два безумных монаха пишут знаменитый «Молот ведьм». Здесь приносят в жертву младенцев, оскверняют святыни, вызывают бесов и демонов, а ночью на охоту выходит вервольф. Чтобы выжить и найти дорогу домой, придется вступить в противоборство с силами ада.

© Удовиченко Д. Д., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Дан	8
Настя	12
Сенкевич	16
Глава вторая	19
Дан	19
Настя	26
Сенкевич	29
Глава третья	33
Дан	33
Настя	37
Сенкевич	41
Глава четвертая	44
Дан	44
Настя	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Диана Удовиченко

Клинок инквизиции

В 1485 году инквизиторы Яков Шпренгер и Генрих Инститорис, авторы знаменитого «Молота ведьм», по поручению папы Иннокентия приехали в маленький городок Равенсбург, дабы искоренить ереси. Там они обвинили в колдовстве и сожгли сорок восемь человек.

Пролог

Утром в офисе фирмы «Сенкевич INC» разом отказались работать все телефоны. Молодые люди в дорогих костюмах озадаченно хмурились, девушки нервно давили маникюренными пальчиками на кнопки. Потом все схватились за мобильные, но и те, независимо от оператора, хранили мертвое молчание.

В это время на первом этаже, в помещении службы безопасности, серьезные мужики в униформе охраны спешно надевали бронежилеты и проверяли оружие.

Такие же серьезные мужики, но в полицейской форме, окружили сверкающую зеркальными стеклами высотку «Сенкевич INC».

В офисе начальник службы безопасности, коренастый седой человек лет сорока пяти, нажал кнопку селектора:

– Петрович, группа к бою готова.

– Хорошо, – ответил хрипловатый баритон, – действуйте по плану «а».

Охранники переглянулись: план «а» предполагал вооруженное сопротивление, возможности сдать в нем не предусматривалось.

Седой включил громкую связь, по коридорам здания разнесся его спокойный голос:

– Пожарная тревога. Внимание. Пожарная тревога. Всем сотрудникам немедленно выйти из кабинетов и проследовать вниз, в помещение подземной парковки. Лифтами пользоваться запрещено. Начальникам отделов обеспечить быструю эвакуацию сотрудников.

Главы отделов, разумеется, понимают, что нет никакого пожара, есть наезд. Выпроводив работников, останутся на местах – уничтожить «лишние» документы. Хотя... самый опасный компромат уже подчищен – Сенкевич давно ожидал рейдерского захвата либо штурма органами, что, в конце концов, почти одно и то же.

– Внимание. Пожарная тревога...

По лестницам побежали испуганные клерки. Начальник службы безопасности поглядывал на часы: должны успеть вывести людей через потайной ход в соседнее здание – так их, по крайней мере, не подстрелят случайно. Распоряжение Сенкевича однозначно: рядовые сотрудники не должны пострадать. Девки с пацанами ни при чем, зелень... Седому и его ребятам терять нечего, прошли вместе с Петровичем с начала девяностых, из братков, быков в люди поднялись, нормальной жизни попробовали. Видать, хватит ее, нормальной, – за все приходится платить. Сенкевич приказал продержаться как можно дольше.

Снаружи тоже готовились к бою. Были перекрыты все подъезды к высотке, оцеплен целый район. Худощавый высокий парень в камуфляже с капитанскими погонами, стоя за полицейской машиной, кричал в рацию:

– Первая группа, пошла!

Последние его слова утонули в грохоте: на высотку опустились два «Ми-8», на крышу попрыгали бойцы. Подбежав к башенке, в которой был расположен вход, попытались вскрыть дверь. Оттуда жажнула автоматная очередь.

Внизу ОМОН вынес тараном двери и ворвался в вестибюль. Из-за колонн его встретили стрельбой.

Вертолеты поднялись, зависли напротив верхнего этажа, поливая зеркальные стекла пулеметными очередями. Несколько минут спустя пентхаус зиял уродливыми дырами. «Ми-8» улетели, с крыши на тросах спускались и запрыгивали в здание штурмовики.

Капитан возле машины отдал короткий приказ водителю, сунул рацию в чехол и отправился к высоте.

В вестибюле валялись два мертвых охранника, третий, подстреленный в живот, сидел, прислонившись к стене, прижимал к ране скованные наручниками руки.

Капитан, с пистолетом на изготовку, двинулся вверх по лестнице. Судя по звукам, стрельба шла где-то этаже на четвертом.

– К нам, Дан? – приветствовал его на втором этаже лейтенант ОМОНа. – Тут уже чисто. Троих уложили. Да и наверху почти никого не осталось.

Треск автоматов вскоре стих: почти всех безопасников «Сенкевич INC» перебили, немногочисленных выживших арестовали. Отряд поднялся до самого пентхауса.

Бойцы ОМОНа быстро двигались по пустынному коридору, вышибая двери одну за другой – в кабинетах никого не было. Дан шел за ними, он был уверен: Сенкевич где-то здесь. По словам Насти, сегодня президент фирмы должен был целый день провести в офисе, ожидая важных переговоров.

Черт уже с ним, с Сенкевичем, думал Дан. Гораздо больше его сейчас беспокоила сама Настя. Сотрудница ФСБ, она работала личным помощником босса, поставляя сведения о нем в контору. По инструкции, в день штурма Настя не должна была приходить в офис. Но ее домашний с самого утра не отвечал: Дан звонил много раз, без толку.

Он слишком хорошо знал характер своей девушки: Настя была умной, толковой и изобретательной. Год отработала под прикрытием и ни разу даже не попала под подозрение службы безопасности. Но вот с дисциплиной у девицы все обстояло гораздо хуже. Настя слишком часто рисковала по собственной инициативе – информацию она при этом добывала ценную, но, стороной узнавая о ее эскападах, Дан только и мог, что бессильно материться. Он давно уже мечтал о том дне, когда наконец разработка «Сенкевич INC» закончится, чтобы воссоединиться с любимой и наплевать ее по прелестной заднице, на которую та постоянно находила приключения.

Настя вполне могла возомнить, что без ее поддержки захват здания не состоится, и самовольно выйти на работу. Дан был почти уверен, что так и произошло.

От удара бойца осыпалось непрозрачное стекло в широкой двери конференц-зала.

– Не стрелять! – заорал Дан.

Хозяин фирмы – крепкий, бритый наголо мужик лет пятидесяти – был здесь. Только вот перед ним живым щитом стояла Настя. Левой рукой Сенкевич крепко держал девушку за шею, правой – прижимал к ее виску пистолет.

– Дернетесь, вышибу ей мозги, – тихо произнес он, пятась к стене, на которой висела большая электронная карта города.

Настя выглядела спокойной, только бледность лица выдавала ее страх. Отступив к карте, Сенкевич на мгновение оторвал руку от шеи девушки, что-то нажал за спиной. Мерцающая панель отъехала, открыв темный зев входа. В следующее мгновение Сенкевич с Настей шагнул туда, и карта бесшумно встала на место.

– Всем оставаться на местах, – приказал Дан.

Сам рванул к стене, принялся ощупывать сенсорный экран. Вскоре его попытки увенчались успехом: нажатие на значок, обозначающий церковь, заставило панель отодвинуться. Только теперь за нею находилась бронированная дверь с сейфовым замком.

Вот когда пришло время порадоваться рискованным выходкам Насти: подруга разведала о странном сейфе, даже сумела подобрать к нему шифр, о чем и доложила на днях руководству. Только попасть в таинственную комнату Насте ни разу не удалось. Теперь вот попала, думал Дан, набирая длинную комбинацию цифр и букв. Хоть бы живая оттуда выбралась...

Дан потянул на себя тяжелую дверь, на мгновение замер за нею. Выстрелов не последовало. Он выскочил, быстро шагнул через порог и оказался в небольшой, тускло освещенной комнате. Пахло воском, жженой травой и какими-то химикатами. Полы были исчерчены пентаграммами и загадочными знаками, на черных стенах висели потрескавшиеся старинные картины.

Прямо напротив двери, шагах в пяти от Дана, стоял Сенкевич, продолжая прижимать пистолет к виску Насти.

– Брось оружие, – хрипло сказал Дан. – Отпусти ее. Все равно уже никуда не уйдешь. Сдавайся.

Сенкевич хмыкнул, и тут же из-за его спины показалось... нечто. Это больше всего походило на пятно фиолетовых чернил, медленно расплывающееся по воде. Странная субстанция выбрасывала в разные стороны щупальца, потом подтягивала к ним «тело», разрасталась и пожирала пространство: предметы, которых касалось пятно, исчезали, будто растворялись в нем.

Продолжая целиться в Сенкевича, Дан краем глаза с опаской наблюдал, как за спиной противника пропадает кусок стены, старое продавленное кресло, напольный канделябр с черными свечами... Вскоре пятно доползло до потолка и угрожающе запульсировало над головой Сенкевича. В центре его зародился черный смерч, похожий на воронку. Тьма бешено вращалась, воздух вокруг пришел в движение. Белокурые волосы Насти развевались, словно на ветру. Девушка дрожала, и причиной тому был не пистолет у ее виска – Настя чувствовала, что за ее спиной творится что-то непонятное и страшное. Сенкевич стоял абсолютно спокойно, будто не замечал ни ветра, ни фиолетовых стрекал, которые уже расплзлись по всем стенам.

– Оно ж сейчас тебя самого сожрет, – ровным голосом заметил Дан.

– Не сожрет, – усмехнулся Сенкевич.

– Отпусти ее. И сам лучше отойди...

– На, держи!

Сенкевич резким движением отшвырнул Настю, а сам сделал шаг назад и исчез в черно-фиолетовой круговерти. Девушка упала, Дан опустил пистолет, кинулся к ней, но не успел. Пятно выбросило извивающиеся щупальца, схватило Настю и втянуло в себя.

Не задумываясь, Дан прыгнул вслед за ней.

Глава первая

Дан

– Malo, nos a, libera, sed, tentationem, in... – бубнил дребезжащий голос, – inducas, nos, ne, et...

Дан медленно приходил в себя. Он лежал на чем-то твердом и холодном. Болел затылок, перед закрытыми глазами мелькали красные вспышки. Пахло воском, кровью и еще чем-то противным. Судя по шарканью ног, покашливанию, шепоткам, вокруг было немало людей.

Он не торопился открывать глаза, пытаясь восстановить в памяти предыдущие события. В первое мгновение решил, что находится в офисе Сенкевича, в потайной комнате, где случилось что-то странное. Но холод, сковавший тело, натолкнул на другую мысль. Может, он в морге? И кажется, лежит совсем голый... Приняли за мертвого? Тогда почему здесь столько народу?

– Nostris, debitoribus, dimittimus...

Голос Дану определенно не нравился, и слова тоже. Что-то они смутно напоминали...

– Tuum, nomen, sanctificetur...

Что-то липкое коснулось груди, мазнуло крест-накрест, оставив на коже вонючий след. Этого Дан уже вынести не мог. Он открыл глаза и увидел прямо над собой козлиную морду.

– Caelis, in, es, qui... – проблеял козел.

Под уродливой маской скрывался хлипкий мужичок в рясе, расшитой странными узорами. Дан лежал на чем-то вроде каменного стола. Он покосился влево: там, на стене, висело нечто настолько жуткое, что сознание отказывалось в это верить. Справа стояли угрюмые мужчины и женщины – человек двадцать – одетые как статисты из фильма о средневековом проstonародье.

– Noster, Pater!¹ – выкрикнул мужик в рясе и поднес к горлу Дана мясницкий нож.

– Ах ты, с-сука!

Дан перехватил руку, выкрутил, приподнялся, резко ударил по локтю. Раздался хруст, козломордый взвыл. Вскочив, Дан подхватил выпавший из его пальцев нож, изо всей силы двинул мужика рукоятью в висок. Человек рухнул на пол. Истерически вскрикнула женщина, ее вопль подхватили еще несколько тонких голосов.

Дан осматривался, ища выход. Это явно была заброшенная маленькая церковь или часовня, освещенная множеством черных свечей, которые стояли прямо на полу. Облупившиеся фрески, возле стены каменный алтарь, к нему он сейчас и прижимался спиной. Кажется, над ним еще и распятие висело, только какое-то странное – Дан смутно видел его, когда очнулся... Вспомнив об этом, он быстро обернулся – благо люди были довольно далеко.

На стене действительно висел крест... С прибитым к нему грудным ребенком. Показалось, младенец еще дышит. Секта? Сатанисты? Дан отвернулся, больше не сдерживая холодную ярость. Теперь он точно знал, как поступит.

От группы наблюдающих отделились двое, пошли на него – высокий пузатый мужик и субтильный парнишка с кинжалом. Здоровяк что-то говорил, кажется, на немецком, и похлопывал по ладони сложенной вдвое веревкой.

Толстый двигался неторопливо, вразвалочку – явно не боялся противника. Приблизился, растопырил руки, словно для дружеских объятий. Не задумываясь, Дан прыгнул на него, пыр-

¹ «Отче наш», при отправлении черной мессы читается задом наперед.

нул в живот и с силой дернул нож вверх, вспарывая брюхо. Мужик захрипел, облил ноги Дана потоком крови, и осел, придерживая обеими руками вывалившиеся кишки. Только бы не поскользнуться, мелькнуло в голове.

Второй нападавший растерялся, испуганно задержался из стороны в сторону.

– Жри! – Мясницкий нож полоснул мальчишку по горлу.

Парень упал на Дана, чужая кровь хлынула на грудь и руки. Зрители голосили. Дан отшвырнул труп и двинулся на них.

Люди попятились, потом расступились, пропуская вперед человека с мечом. Этот держался уверенно, двигался быстро и ловко. Не дожидаясь, пока он приблизится, Дан с резким выдохом метнул нож.

Лезвие глубоко вошло в глаз мечника. Человек стал медленно заваливаться назад.

– Бинго! – победно завопил Дан.

Зрители ответили испуганными криками.

Дан подскочил, вырвал у раненого меч и пошел на оставшихся, бешено скалясь и выкрикивая отрывистые маты. Абсолютно голый, залитый кровью с ног до головы, он производил на людей сокрушительное впечатление. Никому не хотелось связываться, тем более что за спиной безумца уже валялись три покойника.

Дану было плевать. Перед глазами вставал то трупик ребенка на кресте, то козломордый с занесенным ножом. Он врзался в толпу и принялся крошить направо и налево, не разбирая, кто перед ним – мужчина или женщина.

Как испуганные овцы, оставшиеся в живых побежали к выходу, толкая и давя друг друга. Дан шел за ними, размахивая мечом, и каждый взмах стоил кому-нибудь головы.

Вдруг взгляд его упал на одинокую, скорчившуюся в углу фигурку. Девчонка. Лет двенадцати на вид, босая, в простой белой рубаше на голое тело. Серебристые волосы распущены, рассыпаны по плечам. Она даже не пыталась бежать, только дрожала, всхлипывала и неотрывно смотрела на Дана. В круглых голубых глазах отражался ужас. Она настолько отличалась от сатанистов, что Дан позабыл о ярости, подошел, присел на корточки:

– Ты что здесь делаешь?

Девчонка затряслась еще сильнее, выдавила со всхлипом:

– Ich verstehe nicht...²

Опять немецкий. Да куда ж он попал-то, черт возьми? Дан с трудом наскреб в памяти несколько слов, спросил:

– Шпрехен... ты... зи русиш? Как тебя зовут? Что ты здесь делаешь?

Она затрясла белокурой головой:

– Verstehe nicht... Verstehe nicht... Tutte mir nicht...³

Дан заглянул ей в лицо, помахал ладонью перед глазами. Зрачки были сужены, не реагировали на движение, и, похоже, она плохо соображала. Находилась под воздействием какого-то наркотика? Ясно было одно: девчонка никакая не сектантка, скорее всего, такая же жертва, как он сам – неудавшаяся, к счастью.

Он протянул руку:

– Вставай, пошли отсюда.

Девчонка взвизгнула, закрыла лицо ладонями, вжалась в холодную стену.

– Ну да, – вспомнил Дан. – Я ж голый и весь в кровище... Погоди.

Сначала он снял со стены распятие, осторожно положил на алтарь, коснулся тонкой шейки ребенка. Тот не дышал. Выматерившись, Дан подошел к мертвецу с ножом в глазнице, мысленно прикинул его габариты – штаны точно коротковаты, но ничего не поделаешь. Зато

² Я не понимаю (нем.).

³ Не понимаю... Не понимаю... Не убивай меня... (нем.)

плащ хорош, плотный и теплый, подбитый мехом. Только сейчас он ощутил, какой холод стоит в часовне. Тряпки остальных были изрублены или пропитались кровью. Дан сдернул с мертвой женщины передник, наскоро обтерся, потом невозмутимо раздел покойника, натянул его одежду, подпоясался. Прodelывая все это, мысленно гадал, где он оказался. Ничего, кроме идиотского предположения, что его снимают в реалити-шоу, не придумалось. Но какое реалити, если труп – вот он? Уж покойников Дан повидал немало, спутать не мог. Хрен с ним, решил наконец, по ходу разберусь. Сейчас главное – свалить отсюда как можно дальше, вдруг недобитки вернутся с подмогой? Убрав меч в ножны, вернулся к девчонке, завернул ее в трофейный плащ:

– Теперь порядок? Пошли.

Она вроде бы поняла, попыталась подняться, но со стоном съехала вниз – ноги не держали. Точно опоили чем-то, решил Дан.

– Ладно, держись за шею.

Подхватил девчонку на руки – та была худенькая, почти невесомая. Застонала и обмякла, провалилась в обморок. Дан прошагал к двери, вышел на крыльцо.

Стояла глубокая ночь. На пустыре вокруг часовни горели факелы, вокруг их пламени нежно посверкивала падавшая с неба холодная морось. Шумела толпа – женщины в длинных платьях, теплых накидках и чепцах, мужчины в замызганных серых плащах. Все смотрели недобро, с угрозой. В свете факелов Дан заметил недорезанных сектантов: их связали, каждого держали по два человека. Судя по избитым физиономиям, уродам неплохо досталось – причем без скидки на пол и возраст.

К Дану тут же бросилась немолодая худощавая женщина, вцепилась в девчонку, заголосила:

– Martha, mein Tochter! Sie ist tot!⁴

– Sie lebt noch⁵, – неожиданно для себя ответил Дан и сам удивился. Что-то словно переключилось в голове, и он стал понимать немецкий, как родной.

Мать не слышала его, гладила спутанные волосы дочери, причитая:

– Моя девочка, моя милая девочка...

– Хватай его! – раздался злобный голос из толпы. – Хватай колдуна!

Люди подступили ближе, выставляя вперед факелы, точно хотели сжечь его прямо сейчас. С такой оравой не справиться, подумал Дан. Еще девчонка на руках... Но тут она открыла глаза и прошептала:

– Мама...

Женщина зарыдала еще отчаяннее и принялась покрывать поцелуями ее лицо.

– Он меня спас от колдунов, – тихо проговорила девочка, указывая на Дана.

Мать рухнула на колени:

– Ангел! Он ангел! Посланник божий!

Толпа зашумела сильнее. Дан оглядывал лица – угрюмые, испуганные, недоверчивые, удивленные... Вдруг он столкнулся взглядом с седоволосым человеком лет пятидесяти. Дан был уверен, что не знает его, но глаза... Он торопливо передал девочку на попечение матери, а сам двинулся в толпу. Люди расступались – кто почтительно, кто опасливо. Дан сам не знал, зачем ему этот человек, но что-то словно притягивало к нему. Седой, поняв его намерения, развернулся и быстро пошел прочь.

Сосредоточившись на погоне, Дан не заметил, как на пустыре появились новые люди – отряд мечников в кожаных доспехах, во главе с высоким, одетым в черное человеком. Очнулся

⁴ Марта, доченька! Ее убили! (нем.)

⁵ Она жива (нем.).

он, лишь когда на него упала плотная сеть и кто-то сильно ударил сзади по голове. Последнее, что Дан успел заметить, – солдаты, забежавшие в часовню.

Настя

– Во имя отца, и сына, и святого духа...

Холодный металл коснулся шеи, раздался щелчок – и Настя увидела, как на пол падают длинные золотистые локоны. Ее волосы. Почему-то она стояла на коленях, покорно склонив голову... перед кем?

– Какого хрена здесь творится?

Она перехватила руку с ножницами, вывернула болевым. Прием вышел так себе, слабенький, почему-то сил не было совсем. Настя вскочила, потом уже взглянула в лицо непрощенного парикмахера. Стоявший перед нею мужчина, морщась, потирал руку. Судя по облачению, это был священник – впрочем, Настя не очень разбиралась в церковных санах. Она огляделась: просторный зал, освещенный свечами, высокие витражные окна, алтарь с иконами, статуя Богородицы – точно, храм. Половину зала занимали два ряда каменных скамей. На первой сидели женщины в строгих серых платьях и шапочках с крестами поверх белых платков. Монахини. Становилось все интереснее. Она опустила глаза и увидела, что сама облачена в белую широкую рубаху до пола.

– Was ist los mit dir, mein Kind? – спросила красивая женщина лет сорока. – Lass uns mit Tonsur weiter⁶.

Она говорит по-немецки, сообразила Настя.

Эта тоже была монахиня, но отличалась от остальных сестер. Властным выражением лица, более богатым одеянием.

– Nein, keine Tonsur! – выпалила Настя. – Was ist denn los hier? Wo bin ich?⁷

Тут же пришло осознание: она тоже говорит на немецком. Потом перед глазами все поплыло, голова закружилась, к горлу подступила тошнота. В следующую секунду недомогание прошло, зато появилась странная уверенность: она – Одиллия фон Гейкинг, девица из дворянской семьи. Это было дико и непонятно, Настя растерялась, что случилось с нею крайне редко.

– Продолжим постриг, – настаивала аббатиса.

Это аббатиса, и ее зовут мать Анна, всплыло в памяти. Настя не знала, что думать. Сумасшествие? Раздвоение личности? Бред? Черта с два! Она, Настя Савченко, не шизофреничка какая-то. «Сенкевич!» – осенило ее. Он, скотина, что-то сделал с ними, отключил и вывез... куда? В немецкий католический монастырь-то зачем? Скорее он бы просто избавился от нее и Дана: пристрелил, и все дела. Или...

Бывший работодатель увлекался всякой чертовщиной, мистикой, да еще и гипнозом баловался, Настя это точно знала. Наверняка сейчас она находится под воздействием внушения, и все эти бабы серорясые со священником ей просто снятся...

Настя снова оттолкнула мужика, подступившего к ней с ножницами:

– Да не хочу я стричься!

Парикмахер в рясе настаивать побоялся, беспомощно оглянулся на аббатису:

– Бесноватая?..

Та нахмурилась:

– Надеюсь, что нет, отец Август. – И, уже обращаясь к Насте, строго произнесла: – Одиллия, что случилось?

Настя задумчиво хмыкнула. Самой бы сообразить, что случилось... Память, подкинувшая ей загадочные сведения, пока молчала.

– Стриги, отец Август, – сказала аббатиса. – Встань на колени, дитя.

⁶ Что с тобой, дитя? Продолжим постриг (нем.).

⁷ Нет, никакого пострига. Что вообще происходит? Где я? (нем.)

Настя упрямо помотала головой. Сон это был или нет, в ее планы вовсе не входило расставаться с прической. Да и вообще, эти дамочки в сером ей не нравились, а уж священник с ножницами – тем более.

– Бесноватая... в нее бес вселился... – шептались монашки на скамьях.

– В карцер, – решила мать Анна. – Сестра Ортензия, сестра Ванда...

Подожли две мощные бабищи, подхватили Настю под руки, потащили к выходу. В другое время она легко расшвыряла бы теток – не зря же десять лет занималась айкидо. Но сейчас тело почему-то не слушалось, потеряло привычную гибкость и силу – как будто было чужим...

Ее вывели из храма, провели через квадратный дворик. Проволокли через полутемные галереи, мрачные, освещенные редкими факелами коридоры, и потащили вниз по длинной лестнице. Сестра Ортензия сняла факел со стены, освещала дорогу.

Только теперь Настя ощутила, какой холод стоит в монастыре. Ноги в башмаках на тонкой подошве чувствовали ледяное прикосновение каменного пола. Тело под полотняной рубахой покрылось пупырышками, соски болезненно сжались, при дыхании изо рта шел пар.

Наконец она оказалась в подвале – длинном, узком коридоре, в обе стороны которого выходили зарешеченные двери с толстыми железными засовами. Сестра Ванда отперла одну из них, с силой толкнула Настю через порог. За спиной лязгнул засов, раздались тяжелые шаги удаляющихся монахинь.

Здесь было абсолютно темно. Настя вытянула руки в стороны – справа пальцы коснулись холодного камня. Она двинулась вдоль стены на ощупь. Много времени обследование не заняло – помещение было крошечным, три шага на три. В углу под ногами зашуршало. Настя наклонилась, пощупала. Солома.

– Карцер как карцер, – проговорила она, чтобы слышать звук собственного голоса.

Сверху, словно подтверждая ее слова, глухо загудел колокол. Усевшись на соломенную подстилку, Настя обняла себя за плечи и задумалась.

Итак, Сенкевич не убил ее – уже хорошо. Загипнотизировал, внушил, что она находится в каком-то другом мире – это, конечно, плохо. Еще хуже другое: она не знает, что случилось с Даном. Его этот гад вполне мог убить – у них давние счеты.

Не киснуть, сказала себе Настя. Может, Данилка и жив. Скорее всего, Сенкевич использует их как подопытных кроликов в каком-то эксперименте.

Что из этого следует? Настя много читала о техниках гипноза и знала: под внушением человек находится в состоянии измененного сознания. Не только мозг, но и тело воспринимают гипнотический сон как реальность. Если ее убьют здесь, в вымышленном мире, она вполне может умереть и в действительности, просто сердце не выдержит шока.

– А раз так, будем выбираться, – заявила Настя в темноту. – Подстраиваться и приспосабливаться.

Она сосредоточилась, отрешилась от холода и растерянности, вытаскивая из памяти всю информацию, которую внушил ей Сенкевич. Вскоре сознание захлестнул поток сведений.

Она Одиллия, младшая и любимая дочь барона фон Гейкинг. Ее отец – один из самых богатых людей Равенсбурга. О таком городе Настя слышала впервые и даже не знала, существует ли он на самом деле. Сейчас 1485 год.

В монастыре она очутилась по собственной воле – отказалась от жениха, которого приглядел ей заботливый отец. Настя сочувственно покивала вымышленной Одиллии: неудивительно, женишок-то втрое старше девчонки, хромой, беззубый, и воняло от него страшно. Зато богат... Одиллия же была тайно влюблена в троюродного кузена из обедневшей ветви фон Гейкинг, почти нищего, но чертовски симпатичного. Вот и решила идти в монастырь.

– От несчастной любви, значит, – пробормотала Настя. – Дура ты, девочка. Надо было с ним переспать да сбежать, авось папаша бы и смирился, и подобрел со временем...

Она продолжила рыться в воспоминаниях Одиллии. Гнев отца, ее упорство, страдания, слезы, охи, вздохи, послушничество... Сегодня должен был состояться постриг. Да, Сенкевич отлично продумал «легенду»: в памяти всплывали все новые подробности. Тепло очага в родном доме, гладкость шелковых нижних рубаш, сложный рисунок вышивки, которую она так и не закончила, запах цветов из летнего сада, ярко-синие глаза ее любимого Иоганна...

Настя вызвала в памяти образ самой Одиллии. Невысокая, тоненькая, с золотистыми волосами и голубыми глазами. Белесые реснички и бровки, нежный овал лица, белая кожа, персиковый румянец, вздернутый носик, тонкие губы, безвольный подбородок... Ничего особенного, короче. Грудь маленькая, вздохнула Настя, а бедра для такого роста, наоборот, тяжеловаты. И ноги коротковаты... В общем, Одиллия проигрывала самой Насте по всем статьям.

Что еще для нее приготовил чокнутый экспериментатор? Захотелось устроить Сенкевичу сюрприз, воспротивиться заложенной программе. Только вот как? Продолжать упорствовать? Так ее в карцере сгноят – здесь это, видимо, просто. Дождаться появления монахинь, напасть на них и сбежать? Увы, она сейчас Одиллия – хрупкая барышня, сил не хватит. Что там святоши голосили о бесноватости?

Память Одиллии содержала об этом очень мало сведений. Девуцу растили взаперти, не позволяли внешнему миру коснуться прелестного цветочка. Она знала только, что Равенсбург наводнен ведьмами и колдунами, они творят страшное зло, вселяя в людей бесов. Средневековые, темное время, царство суеверий, усмехнулась Настя. Однако задумалась: если монашки решат, что она бесноватая, что с ней сделают? В лучшем случае подвергнут... как это... экзорцизму и навсегда запрут в подвале, в худшем – отправят на костер.

Такой расклад Насте не понравился. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы ее приняли за одержимую. Придется демонстрировать повиновение и адекватность.

Ее внимание привлек странный всхлип. Слабый, далекий, он зародился где-то в бесконечных коридорах, нарушив привычную уже гармонию звуков подвала, состоящую из крысиного писка, шороха лапок и стука капель. Настя прислушалась. Звук повторился, теперь к нему добавились влажные шлепки, словно кто-то ступал по каменному полу мокрыми босыми ногами.

Настя ощутила резкий приступ страха. Вглядывалась в темноту, как будто могла увидеть источник загадочного шума. Вдалеке еще раз хлопнуло, шлепнуло, потом звук сделался тише и затерялся где-то в бесконечном коридоре.

Сырая тьма словно стала осязаемой, Настя чувствовала ее кожей, как прикосновение легких, почти невесомых, бархатистых ростков плесени. Темнота касалась щек, нежно гладила пальцы, окутывала плечи влажным плащом. А потом – разродилась невнятными шепотами, проникла в уши, добралась до сознания, поселилась в мозгу, вкрадчиво лепетала на чужом языке, звала куда-то, сводила с ума...

– Нет! Нет! Пошли вон! – Настя вскочила, замахала руками, будто отгоняя навязчивых ядовитых насекомых. – Пошли!

Шепот стих. Она замерла, тяжело дыша, не понимая, что происходит, опасаясь за свой рассудок. Прислушалась. Голоса молчали.

– Вот так! – твердо сказала Настя. – Я нормальная!

До утра она дрожала на соломенной подстилке, периодически вскакивая и разминаясь, чтобы согреться. Когда монастырский колокол ударил пять раз, дверь лязгнула, открываясь, и в карцер вошла аббатиса, которую сопровождали те же две здоровенные бабищи с факелами, готовые в любой момент скрутить непокорную послушницу. Сестра Ортензия выше подняла факел, мать Анна внимательно всмотрелась в лицо девушки:

– Как ты себя чувствуешь, дитя?

– Прости, мать Анна, – пролепетала Настя. – Я поддалась греховному соблазну. – И едва слышным шепотом добавила: – Вспомнила человека, которого любила...

Аббатиса понятливо кивнула:

– Ты избавишься от вожделений плоти, дитя, призвав на помощь духовные блага. Молитва, пост, отречение от мира очистят тебя. После, на обвинительном капитуле, ты покаешься в своем грехе и получишь наказание. А сейчас ты готова принять постриг?

Настя послушно склонила голову.

Вечерний Равенсбург лежал перед ним серым невнятным пятном. С неба, взлохмаченного тучами, падали ледяные иголки редкого дождя. Сумерки сгущались, пожирали дома, деревья, мощенные камнем улочки. Редкими мутными светляками желтели в темноте освещенные окна. Их становилось меньше и меньше – горожане гасили свечи, ложились спать. Он усмехнулся. Спите спокойно, пока можете, добрые люди. Скоро ночью будет не до сна, вы станете дрожать в своих постелях, молясь, чтобы ваш дом миновала беда, а день покажется страшнее самого тяжелого кошмара. В Равенсбург идет настоящее, истинное зло.

Сенкевич

Итак, скорее всего, он в одном из германских княжеств. В толпе звучала немецкая речь, люди почти все – белобрысые. В городе тяжелые дома с маленькими окнами и остроконечными крышами, в центре возвышается ратуша с прямоугольной башней. Вюртемберг? Бранденбург? А еще здесь есть колдуны, дьяволопоклонники, инквизиторы лютуют – пятнадцатый век? Шестнадцатый? Скорее бы включилась остаточная память объекта.

Ясно одно: это точно не Флоренция 1428 года, и он, Вадим Сенкевич, не попал в тело Джованни Руччелаи, сорокалетнего богатого купца, дожившего до семидесяти пяти в роскоши и благоденствии. Тот был полноватым брюнетом, а он... Сенкевич посмотрел на руки «объекта»... да что там, на свои теперь. Так и есть: белая кожа в веснушках, рыжеватые волоски. Одежда небогатая – хорошо хоть добротная и теплая, на улице морозно... Какой уж там Руччелаи.

– Sei verflucht, du, Friedrich Berg! – заорали позади. – Verflucht sei Verrdter! Dass du im Blut erstickst!⁸

За этими словами последовала какая-то невнятица – то ли латынь, то ли ломаный немецкий. Сенкевич оглянулся: кричал избитый мужчина, которого стражники тащили через ратушную площадь. А вот человек, погнавшийся за ним сквозь толпу, отстал. Что-то в парне было... знакомое. Взгляд. И еще странное ощущение дежавю. И тот ведь не просто так погнался, тоже узнал. Сомнений почти нет: это капитан ФСБ Данил Платонов. В неудачный «объект» он попал, конечно, привлек массу ненужного внимания. А учитывая, что не подготовлен к перемещению, наверняка скоро подставится и очутится в пыточной инквизиторов или сразу на костре. Тем лучше: не будет досаждать, фанатик мировой справедливости.

Решив, что зря зашел в центр города, Сенкевич вернулся на окраину, туда, где впервые обнаружил себя возле заброшенной часовни. Здесь было грязно и уныло, жались друг к другу ветхие домишки бедноты. Впереди показался пруд, скованный первым тонким ледком. Сенкевич добрался до него, плотнее завернулся в плащ, уселся и принялся ждать утра. Невыносимо хотелось курить. Интересно, подумал он, табак в Европу уже завезли?

Когда рассвело, проломил хрупкий лед у берега, склонился над водой. Оттуда на него смотрел немолодой человек с седой шевелюрой и крупными чертами лица.

Меня зовут Фридрих Берг, внезапно подумал Сенкевич. Я мелкий торговец, небогатый, но и не совсем нищий. Я живу в Равенсбурге, и сейчас – начало октября 1485 года от Рождества Христова. Думал он по-немецки.

Память «объекта» включилась – уже легче. Сенкевич принялся тщательно исследовать все ее закоулки, узнавая о родственниках, друзьях, знакомых Берга, о его прошлом и настоящем. Рано или поздно воспоминания о личном могут начать стираться, к тому времени нужно будет выучить все наизусть, чтобы нигде не проколоться... Итак, что делал Фридрих Берг сегодня?

Новая мысль кольнула, словно иглой: он колдун из секты дьяволопоклонников! Его поставили охранять вход в часовню, где проводился шабаш, чтобы предупредить, если вдруг появятся воины инквизиции или городская стража. Только он не предупредил. Когда прибежали разъяренные горожане во главе с матерью девчонки, предназначенной для утехы бесу, Фридрих обходил часовню. В этот самый момент в его тело и переместился Вадим Сенкевич.

Чисто инстинктивно он смешался с толпой, чем и спас себе жизнь. В дом Берга возвращаться нельзя: к сожалению, Платонов перебил не всех колдунов, теперь кто-нибудь из них обязательно сдаст Фридриха, под пытками всякий расколется. Его будут искать.

⁸ Будь проклят, Фридрих Берг! Предатель, будь проклят! Чтoб тебе захлебнуться в крови!

Выходит, это его там, в толпе, проклял за предательство кто-то из выживших колдунов? Ну да, Берг же стоял «на стреме», и выходит, подставил шайку. Сенкевич усмехнулся, он не верил в силу проклятий. Такие вещи могут повредить только слабым людям, тем, кто боится брошенных слов и ждет, что они сработают. А Сенкевич силен духом, его и не так еще проклинали – ничего, жив до сих пор.

Гораздо хуже, что он остался без жилья и средств к существованию. Еще погано, что табак в Европу завезут только через семь лет, а курить охота так, что уши пухнут. Как-то он этого не учел при выборе эпохи – ведь, даже попади он в нужную точку пространства и времени, ситуация была бы та же. Что ж... тоже не самое страшное. Его подельникам – в настоящем?.. или теперь надо говорить «в будущем»?.. – и капитану Платонову в инквизиторской тюрьме наверняка сейчас гораздо хуже.

Утешив себя этой мыслью, Сенкевич проверил тощий кошелек, болтавшийся на поясе. Десять серебряных пфеннигов, на шлюху хватит, да еще и останется.

Наступило утро – серое, унылое, холодное, как очаг бедняка. На улочке появились люди. Забегали грязные ребятишки, засуетились женщины. Подождав, пока отцы семейств отправятся на заработки, Сенкевич отправился к домам. Выбрал самый убогий, возле которого стояла, зевая и бесцельно глядя вокруг, полная неопрятная женщина. Детей поблизости не было видно. Сенкевич достал пфенниг, подкинул его на ладони, выразительно покосился на дверь.

Дама понимающе улыбнулась, продемонстрировав отсутствие передних зубов, поднялась, взяла монету и неторопливо пошла в дом, кокетливо повиливая бесформенным задом.

В доме было холодно, воняло прокисшей пищей и нечистотами, в стылом очаге не горел огонь. Маленькие окошки, затянутые промасленным пергаментом, плохо пропускали свет. У стены стоял грубо сколоченный стол с лавкой, в углу валялась соломенная подстилка, сверху – груда нечистого тряпья. К ней и направилась бабища. Улеглась, задрала юбку, показав покрытые синяками с потеками грязи дряблые ляжки и добавив к ароматам жилища амбре немытого тела.

Сенкевич поморщился. Нет уж, дорогая, на тебя я точно не полезу. Реалии Средневековья выглядели все менее привлекательными – ни тебе душа, ни мыла, ни эпиляции у баб...

– Встань, – жестко произнес он. – Подойди сюда.

Женщина неохотно поднялась, одернула юбку.

– Как тебя зовут?

– Эльза.

Сенкевич достал еще одну монетку:

– Смотри на пфенниг, Эльза. Смотри внимательно, не отводи взгляда.

– А ты мне его отдашь? – захихикала баба.

– Позже. Если все сделаешь, как надо. А пока молчи и слушай меня. Твои веки тяжелеют... Тебе хочется спать...

Сенкевич в совершенстве владел техниками гипноза, ему не составило труда воздействовать на Эльзу. Когда женщина расслабилась и замерла, он принялся диктовать посыл:

– Запомни: я буду жить здесь. Пока не спросят обо мне, ничего не говори. Если спросят, отвечай, что я твой кузен Фридрих из Штутгарта. А теперь, на счет «три», ты проснешься и будешь выполнять мой приказ.

Вскоре Эльза открыла глаза, как ни в чем не бывало, проговорила:

– Ты голоден, братец? У меня есть немного сыра и хлеб.

– Нет. Ступай на улицу, я хочу отдохнуть.

Женщина покорно вышла. Сенкевич, преодолевая брезгливость, улегся на тряпки, заменявшие постель, принялся наблюдать за жирной мухой, которая лениво ползла по стене. Сигарету бы... Он явственно представил, как вытаскивает из пачки «Парламент», прикуривает, делает первую затяжку, вдыхая упоительно вкусный дым... Рот наполнился слюной. Сенкевич

тихо выругался и, стараясь не обращать внимания на скачущих по нему блох, погрузился в размышления.

Стоило полжизни гоняться за трудами Брюса, потом несколько лет их расшифровывать и делать расчеты, чтобы в итоге оказаться не в том месте и не в то время... А он ведь так тщательно подготавливал уход! Кольцо врагов смыкалось – власти, конкуренты, люди, которым он в свое время прищемил хвост. Сенкевич отлично понимал: скрыться будет трудно. Поэтому, когда наконец сумел прочесть старинный трактат и понял, что перемещение во времени возможно, сразу принял решение. Там, в настоящем (или все же будущем?), его ничто не держало. Семьи у него не было, друзей тоже, единственная женщина, которую он любил, погибла двадцать лет назад.

Сенкевич долго выбирал объект, остановился на Джованни Руччелай, который, судя по всем источникам, прожил долгую, счастливую жизнь. И вот на тебе...

Сбой наверняка случился из-за Платонова и девчонки – портал ведь рассчитывался на одного человека. Сенкевич выматерился по-русски: еще и девка ведь здесь! Потом решил: это сейчас не главная проблема, все равно долго не протянут.

Надо восстановить портал и попасть все же во Флоренцию 1428 года, но первоочередная задача – выжить. Скоро его начнут искать. Можно бы сбежать из города, однако Сенкевич был уверен: портал нужно открывать именно здесь, уходить оттуда, куда пришел. Только вот следовало найти в городе место силы, сделать новые расчеты, поправки в формуле на нынешнюю реальность. На все это требовалось время, а значит, более надежное укрытие, средства. Для построения портала необходима энергия, много энергии. В двадцать первом веке ее сколько угодно – под зданием офиса «Сенкевич INC» стояли мощные генераторы. А здесь Средневековье, хоть строй ветряные мельницы и ожидай урагана. Придется искать альтернативные источники. А для того чтобы все это появилось, нужна команда – помощники и охранники.

Что ж, ему не впервой начинать с нуля и подбирать правильных людей. Внушать окружающим уважение, руководить, придумывать интриги и просчитывать сложные многоходовки Сенкевич умел как никто.

Для начала он решил хоть немного изменить внешность. Вышел из дома, разыскал дешевого цирюльника. Усевшись перед ним на грязный чурбак, заменявший табурет, приказал:

– Брей наголо.

Цирюльник, больше похожий то ли на палача, то ли на наемного убийцу, принялся старательно скрести череп туповатой ржавой бритвой. Потом, рассматривая в пруду собственное отражение, Сенкевич остался доволен. Это не сделало его таким уж неузнаваемым, да и лысину под шапкой не было видно, зато он хотя бы обезопасил себя от вшей.

Глава вторая

Дан

Лежать было сыро и холодно. Раскалывалась голова, ныло все тело. Чувства включались постепенно: сначала осязание, потом слух, потом обоняние...

Рядом настырно и медленно капала вода, воняло плесенью, гнилью, испражнениями. Кто-то неподалеку тихо подскуливал на одной ноте, ему вторили монотонные причитания.

Дан окончательно пришел в себя, открыл глаза и уперся взглядом в шероховатый каменный потолок, покрытый наростами плесени. Осторожно огляделся: небольшое помещение, стены из серого камня, под потолком крохотное оконце, через которое падает тонкий луч дневного света. Мебели никакой, в углах – охапки соломы. На одной из них скрючился окровавленный человек в изодранной одежде. Прижимая к груди руку с распухшими, как сосиски, посиневшими пальцами, он жалобно плакал. Лицо покрывали синяки и корки запекшейся крови.

В другом углу сидел пухлый пожилой мужчина в опрятном бархатном костюме, раскачивался, как аутист, приговаривал:

– Weronika, du armes Kind... Was wird mit uns?⁹

Уточнять не требовалось: Дан явно находился в тюремной камере. Только вот как он здесь очутился? Память услужливо показала яркие картинки: часовня, мужик с ножом, драка, девочка, разъяренная толпа. Дальше – удар по голове...

«Кажется, это становится доброй традицией – вырубаться, а потом приходить в себя в разных интересных местах», – сердито подумал Дан и сел. Еще одна новость: на руках и ногах позвякивали кандалы, соединенные цепями.

Сокамерников его пробуждение ничуть не заинтересовало, Дан тоже не стал навязываться с разговорами. Ему требовалось подумать и понять, откуда взялась эта странная, похожая на кошмарный сон, реальность.

Итак, сначала был штурм офиса «Сенкевич ИНК», хозяин фирмы, захват Насти в заложницы – это все понятно, хоть и неприятно. А вот дальше пошла мистика: чернильная медуза, проваливающееся пространство, загадочная пульсирующая штука, в которую они втроем провалились. С нее все и началось.

Тогда вполне возможно, происходящее и есть сон. Или бред умирающего? Он столкнулся с каким-то загадочным природным явлением, вступил с ним в контакт, в итоге – что? Его могло шарахнуть, непонятно, правда, чем, и сейчас он лежит в коме или, того лучше – в состоянии клинической смерти. Говорят, у людей в этом случае бывают удивительные видения, типа интересного кино на прощание.

Знать бы, что случилось с Настей, тоскливо подумал Дан. Неужели она тоже погибла?

Резкая головная боль противоречила его теории и намекала, что он вполне себе жив. Дан ощупал затылок – на нем запеклась корка крови. Но поражало не это: ежик коротко остриженных волос превратился в длинные патлы до плеч. Он дернул прядь, покосился: волосы были светлыми. Поседел, что ли?..

Сколько ж я тут валялся? Дан задумчиво посмотрел на свои руки:

– Твою-то мать...

Руки были не его. Слишком худые, слишком белокожие, с жесткими мозолями и обкусанными грязными ногтями. Значит, точно сон, решил Дан. А если сон, в нем можно делать

⁹ Вероника, бедное мое дитя... Что же будет с нами? (нем.)

все, что угодно. Можно даже попытаться его изменить. Для начала неплохо бы узнать, куда его перенесло воображение.

– Где я? – спросил он пожилого человека и осекся: голос тоже был не его, слишком хриплый, да и звучал по-другому. И говорил он опять по-немецки. И кажется, даже думал...

Старик перестал раскачиваться, уставился на него жалобными, как у бассет-хаунда, глазами:

– Бедный юноша. Видно, тебе отбили голову. Ты в тюрьме, мой несчастный друг.

– Это я и так понял, – отмахнулся Дан. – Город какой?

Старик затряс брылями:

– О, злосчастный, злосчастный юноша! Как же тебе плохо, дитя мое!

– Да хорошо мне! Скажи, где я?

– Ты в Равенсбурге. – По толстой щеке покатилась слеза. – В прекрасном моем Равенсбурге. А я – доктор Иоганн Юний, бургомистр этого горемычного города, на который, видно, за что-то прогневался Господь...

За дверью раздалось далекое бряцание металла. Иоганн Юний на четвереньках быстро подполз к Дану, схватил за руку, лихорадочно зашептал:

– Они идут... за одним из нас. Прими добрый совет, милый юноша: сознавайся! Сознавайся во всем, говори то, что они хотят от тебя услышать. О, это страшные, страшные люди! Всякий, кто попадает в эту тюрьму, должен сознаться в ведовстве! Иначе его будут мучить до тех пор, пока он не выдумает что-нибудь и – Господь да смилуется над нами – не оговорит себя...

В скважине двери заскрипел, поворачиваясь, ключ.

– Сознавайся! – прошептал напоследок старик и на четвереньках вернулся на свое место.

Пока Дан гадал, не является ли дед «подсадной уткой», из тех, что помогают раскалывать арестованных, на пороге появился стражник с копьем, оглядел узников. Под его взглядом стонущий мужчина закрыл лицо руками и завизжал. Стражник не обратил на него никакого внимания, бросил, указывая на Дана:

– Ты. За мной.

Можно было возразить или отказаться, но этот сон нравился Дану все меньше, он решил пока не испытывать судьбу. Поднялся, вышел вслед за стражником.

Дана провели по темному узкому коридору, втолкнули в камеру, гораздо более просторную, чем та, в которой он очнулся. Здесь было светлее – горели свечи. У правой стены стояло странное приспособление, похожее на лестницу, рядом, на длинной лавке, были разложены ножи, шила и еще какие-то загадочные инструменты. Одни напоминали плотницкие тиски, другие походили на отвертки, третьи представляли собой подобие молотка. Дан заметил еще кандалы, деревянные кресты, перья, веревки и глиняный горшок с белым порошком. На многих приспособлениях виднелись коричневые пятна, и Дан не был уверен, что это ржавчина.

Вдоль лавки прохаживался веселый румяный парень в черной одежде. Он наградил Дана радостной улыбкой и потер ладони.

В центре камеры стоял сухощавый маленький человечек в длинной хламиде и квадратной шляпе. Он тут же подошел к Дану, принялся осматривать его, как лошадь на ярмарке: помял шею, похлопал по плечу, пощупал голову. Некоторое время Дан терпел, потом, когда человечек попытался оттянуть ему губу крючковатым пальцем, оскалился, зарычал и клацнул зубами. Этот идиотский сон раздражал его все сильнее.

Человек отскочил, а к Дану от двери бросился стражник, ткнул кулаком в спину. Боль от удара была самой настоящей, реальной.

– Подозреваемый здоров, – сухо произнес человечек.

– Что ж, тогда начнем, – ответил сочный баритон.

Только сейчас Дан заметил, что в комнате присутствуют еще люди. За столом в углу сидели двое – сладко улыбающийся толстяк и широкоплечий мрачный мужчина с орлиным профилем. На обоих были черные балахоны с капюшонами и белыми крестами на груди. За плечом мрачного стоял здоровенный мужик в рясе. Некрасивое, с крупными чертами лицо было абсолютно невозмутимым, взгляд прозрачным и ничего не выражающим – так обычно смотрят профессиональные секьюрити.

– Твое имя? – ласково спросил толстяк.

Голос у него тоже был какой-то жирный, масляный, липкий. Слишком тонкий и сладкий для мужчины.

– Мартин Соммер, добрый господин, – неожиданно для себя ответил Дан.

Толстяк облизнул пухлые губы, причмокнул со вкусом, взял со стола гусиное перо, обмакнул в чернильницу и стал старательно водить по пергаменту.

– Чем зарабатываешь на хлеб? – сурово сдвинув густые брови, поинтересовался второй.

– Я солдат, добрый господин. Бывший солдат.

В нем словно поселилась другая личность, которая и выдавала ответы за Дана, не позволяя даже задуматься. Он решил не сопротивляться: личность явно знала об этом мире больше и ориентировалась не в пример лучше.

Толстяк добродушно покивал, подслеповато щурясь и тщательно записывая каждое слово. Его товарищ был не так доволен, сверлил Дана пронзительным взглядом черных глаз:

– Ты знаешь, кто я?

– Нет, добрый господин...

– Яков Шпренгер. А это, – он указал на толстяка, – Генрих Инститорис. Мы инквизиторы, присланные папой Иннокентием в Равенсбург, дабы искоренить колдовство и ереси. Ты, Мартин Соммер, предстал перед следствием святой инквизиции. Знаешь ли причину, по которой ты здесь?

– Нет, господин...

– Ты должен доказать, что являешься добрым христианином, а также, что ты не участвовал в шабашах, не осквернял святынь, не вступал в сношения с дьяволом и демонами. Ведь тебя застали на месте проведения шабаша. Это серьезное обвинение.

– Меня ударили по голове и притащили туда, чтобы принести в жертву.

– Так докажи это.

– Признай свою вину, – сладко пропел Инститорис. – Покайся перед Господом.

«Сознавайся во всем!» – вспомнился совет старика. Дан упрямо мотнул головой: бред! Какие на хрен дьяволы-святыни?

– Хорошо, очень хорошо, – с какой-то извращенной радостью протянул Инститорис. – Тогда начнем. Герр Фиклер, осмотрите тело подозреваемого на предмет печатей дьявола.

Стражник сорвал с Дана одежду.

– Ты весь в крови! – У Инститориса загорелись глаза.

– Это не моя кровь, добрый господин. Я дрался с колдунами.

Толстяк подозрительно проговорил:

– Это еще нужно доказать. Итак, герр Фиклер...

Доктор с опаской подступил к Дану, два раза обошел вокруг него.

– Нет, ничего особенного, – наконец разочарованно произнес он. – Имеется одно небольшое родимое пятнышко на плече, но оно обычное, не синеватого цвета, какими, вне всякого сомнения, должны быть дьявольские метки. Впрочем, нужно проверить его на чувствительность.

Герр Фиклер достал длинную кривую иглу, нацелился ею в родинку. Этого Дан уже стерпеть не мог: сложив скованные руки вместе, двинул доктора в челюсть. Тот отлетел на несколько шагов, приземлился возле стола инквизиторов и обмяк.

Стражник поднял меч, бросился на пленника. Дан увернулся, упал на спину, сделал ногами подсечку. Охранник рухнул, громыхая доспехом. Пока он пытался встать, Дан рванул к двери. Но тут ему опять врезали по голове.

– Сколько можно? – взвыл Дан, падая.

Румяный палач со Шпренгером скрутили его, снова поставили перед столом.

– В тиски! – пропищал Инститорис. Маленькие свиные глазки заблестели, на лице появилось возбужденное выражение: – И руки, и ноги! На лестницу! Растянуть! На «молитвенную скамью»! Тогда заговорит!

– Ты мне еще вскрытие без наркоза сделай, – огрызнулся Дан.

– Подожди, брат Генрих, – возразил Шпренгер.

– Разве ты не видишь, брат Яков, что он одержим дьяволом?!

– Для начала выслушаем свидетелей. Быть может, до пыток не дойдет.

Инститорис разочарованно надулся. Шпренгер посмотрел на Дана едва ли не с уважением, приказал стражнику, который к тому времени поднялся на ноги:

– Вызови сюда Лизу Соммерс.

– Хоть одеться дайте! – возмутился Дан.

– Нагими мы приходим в этот мир, нагими уходим из него, – ехидно заметил Инститорис.

Дан пожал плечами, закрыл причинное место ладонью.

В пыточную, спотыкаясь и оглядываясь, вошла небогато одетая женщина. Увидев Дана, она расплакалась:

– Мартин, сыночек...

– Матушка... – в полной растерянности пробормотал Дан.

Он знал, что следует сказать именно так, и помнил эту женщину. Вернее, ее помнил Мартин Соммерс, Дан же не испытывал к ней никаких чувств, кроме сожаления: кому понравится увидеть своего ребенка в инквизиторской пыточной?

– Узнаете ли вы этого человека? – холодно спросил Шпренгер, словно и не слышал слов женщины.

– Это мой сын Мартин! Он хороший мальчик. Отпустите его, он не делал ничего дурного!

– А скажи, Лиза, – прищурился Инститорис, – не замечала ли ты за сыном признаков бесноватости? Быть может, он вел себя странно? Заговаривался? Уходил по ночам?

– Ничего такого, видит Господь! – рыдала несчастная.

– Наверняка лжешь. Может, поднять тебя на лестницу? – задумался толстяк. – Это развешит язык твоему отпрыску...

Дан снова приготовился драться – не мог же он допустить, чтобы из-за него пытали ни в чем не повинного человека. Но Шпренгер опять решил по-своему:

– У нас есть еще свидетели. Послушаем всех. Ввести Марту и Анну Шлуттербауэр.

Стражник ввел женщину, за нею шла девочка, в которой Дан узнал Марту, спасенную им от колдунов.

– Это он! – Женщина упала на колени, молитвенно простерла руки к Дану.

– Кто он? – хладнокровно переспросил Шпренгер.

– Ангел! Ангел, посланный богом, чтобы освободить мою Марту!

Захлебываясь слезами и благодарностями, Анна начала рассказ – о том, как дочь похитили из дома, опоили каким-то зельем, собирались принести ее невинность в жертву бесу. Потом вмешалась и Марта, упоенно живописуя невероятные подвиги Дана. Со слов девочки выходило, что он, окутанный белым сиянием, поднялся с алтаря, который колдуны хотели окропить его кровью. В руке его из воздуха появился огненный меч, и Дан принялся карать безбожников, помогая себе молитвой и крестным знаменем. Марта клялась, что над головой спасителя в этот момент светился нимб.

Палач со стражником заслушались, почтительно поглядывая на пленника, Инститорис раскрыл рот от изумления, Шпренгер – Дан мог в этом поклясться – прятал торжествующую ухмылку. Сам он мог думать только об одном: что за дрянь сатанисты влили в девчонку, раз у нее случились такие знатные глюки?

– Я как хватилась дочку, подняла всех соседей. Прибежали мы к часовне. И люди видели, добрые господа, – подхватила Анна, – этот человек перебил почти всех колдунов и ведьм, а потом вынес мою дочь на руках из проклятого места.

– Другие свидетели утверждают, что при этом Мартин Соммерс выглядел безумцем, – возразил Инститорис. – А ты что скажешь?

– Это святое безумие, добрый господин! – воскликнула Анна. – Весь город говорит: в этом человеке живет ангел божий!

– Никогда о таком не слышал, – недовольно пробормотал толстяк. – В людей обычно вселяются бесы и демоны. Но чтобы вселился ангел...

– Уведите свидетелей, – приказал Шпренгер. – Думаю, с этим делом все ясно. Целый город лгать не станет.

– Ну может, хоть волосы под мышками ему подожжем, брат Яков? – жалобно спросил Инститорис.

– Полагаю, брат Генрих, достаточно будет, если подозреваемый без запинки прочтет «Отче наш».

Шпренгер поощрительно кивнул Дану.

«Отче наш», да без запинки... Убежденному атеисту трудновато. А если еще и по-немецки... Но память Мартина Соммерса не подвела:

– Unser Vater in dem Himmel! Dein Name werde geheiligt...¹⁰

Дан дочитал молитву до конца.

– Еще! – сердито потребовал Инститорис.

Пришлось повторить молитву десять раз.

– Думаю, достаточно, – попыток Шпренгер. – Снимите с него цепи. Ты доказал свою невиновность, Мартин Соммерс. Ты свободен. Одевайся.

Дан напялил изодранные стражником рубаху и штаны.

– Пойдем, Мартин, я провожу тебя, – кивнул Шпренгер. – Хочу побеседовать с героем.

– Но как же... – засопел Инститорис.

– Брат Генрих, не огорчайся. Сегодня ты во славу Господа наверняка разоблачишь еще не одного слугу дьявола. В твоём распоряжении недобитые Мартином колдуны и ведьмы, а еще допроса ждет вчерашний гончар, осквернивший гостию, и наш милейший бургомистр Иоганн Юний, замеченный в связях с суккубом. – Шпренгер поднял глаза к потолку. – Так возблагодарим же Бога, что в этом вертепе безверия оказался хоть один истинный христианин.

Вспомнив об остальных подозреваемых, Инститорис утешился и повеселел. Шпренгер вывел Дана на улицу.

– Не торопись уходить, мой друг. Сегодня нас ждет интересное зрелище.

Перед ратушей торчал обложенный дровами и соломой столб, вокруг собралась толпа горожан.

Шпренгер устремил на Дана испытующий взгляд:

– Скажи, что ты почувствовал, когда увидел занесенный над тобою нож? Дитя, распятое на кресте? Невинную девушку, опоенную зельем?

– Бешенство, – честно ответил Дан.

¹⁰ «Отче наш, сущий на небесах. Да святится имя твое» (нем.).

– Священную ненависть! – поправил инквизитор. – Праведную ярость, дарованную Господом. И это она дала тебе силы расправиться с колдунами. Так сохрани в себе этот божественный дар, Мартин, пусть он послужит господу и добрым людям.

Дан внимательно слушал, еще не понимая, к чему клонит Шпренгер, но согласно кивал. Он давно уже уяснил: происходящее – не сон и не бред, слишком все реалистично. Каким-то образом он попал в прошлое, и здесь придется выживать. Это удастся, только если не обозлить инквизицию.

– Я предлагаю тебе стать ближним, Мартин, – сказал Шпренгер. И, увидев непонимание на его лице, пояснил: – Это особый отряд, сопровождающий инквизиторов, их преданная свита, лучшие помощники, воины Христовы, безжалостные истребители скверны.

Дан не успел ответить: толпа разразилась воплями.

– Смотри, – сказал Шпренгер.

Из тюрьмы вывели и поволокли через площадь окровавленную, обритую наголо женщину. Следом шел важный мужчина в мантии. Избитая до черных гематом колдунья едва переставляла ноги, и невозможно было определить, молодая она или старая.

Толпа расступалась, пропуская стражников. Те привязали женщину к столбу, приковали за шею. Человек в мантии прочитал приговор:

– За преступления перед Богом и людьми: ведовство, союз с дьяволом и убийство невинных младенцев, Марина Шепп приговаривается к казни сожжением! По завершении казни муж Марины, Александер Шепп, должен уплатить в городскую казну пять гульденов за работу палача и дрова для костра. Да свершится воля Господа!

Солома занялась, затрещали дрова, пламя быстро подобралось к босым ногам колдуньи, лизнуло пальцы жадными языками. Марина застонала, горожане ответили ревом. Со всех сторон в женщину полетели камни.

Огонь пожрал одежду ведьмы, пробежался по телу, кожа пошла пузырями. Толпа бесновалась, торжествовала, орала и свистела. Дан поморщился.

– Пусть это исчадье ада не вызывает у тебя жалости, – сказал Шпренгер. – Ее взяли, когда она доедала жаркое из собственного грудного ребенка... Голова младенца лежала в чугунке, из нее ведьма собиралась сделать «мертвый порошок» для шабаша. Колдуны, ведьмы, чернокнижники – этот город и окрестные деревни погрязли во зле. Днем и ночью, не покладая рук и не преклоняя голов, мы боремся с ними во славу Господа, но наши силы не безграничны. Нам нужна помощь всех добрых христиан.

– Проклинаю город Равенсбург! – выкрикнула Марина, и сажа из костра роем черных мух окружила ее голову. – Пусть к вам придет зло!

Пламя загудело, взметнулось высоко, и сквозь оранжевую завесу Дану показалось, что лицо женщины превратилось в дьявольскую маску. Глаза бешено вращались в орбитах, нос вытянулся, вместо рта скалилась клыкастая пасть, а над лишенной волос головой поднялись рога.

– Ты видел это? Вот ее истинный облик. – Глаза Шпренгера горели, как уголья инквизиторского костра.

Дан не мог отвести взгляда от кривляющегося возле столба чудовища, которое не желало подышать и выкрикивало проклятие за проклятием. Оказывается, они существовали на самом деле – ведьмы и колдуны – и убивали людей.

Дуновение ветра принесло тошнотворный запах горелого мяса. Шпренгер хищно раздул ноздри:

– Чувствуешь этот аромат? Так пахнет возмездие. Ты согласен стать его орудием?

Потрясенный увиденным, Дан молча кивнул. Предложение не вызвало в нем восторга, но выбора не имелось – как он понимал, отказ мог привести на костер и его. Шпренгер положил ему руку на плечо, торжественно произнес:

– Именем господи, нарекаю тебя Клинком инквизиции!

Настя

Золотистые локоны падали на каменный пол – не жаль, по большому счету, не свои ведь. Настя спокойно ожидала, когда закончится постриг. Аббатиса сообщила, что ее ждет строгое наказание за непочтительность к старшим.

Под шелканье ножниц и усыпляюще монотонные молитвы в исполнении отца Августа она задумалась. Гипнотический сон все больше напоминал реальность. К тому же она ведь помнит собственную личность – ошибка в заданной сознанию программе? Слишком сложно, сказала себе Настя. Может, пора признать: все это действительно существует?

Отрезав волосы, священник нарек ее сестрой Агной. Сестры торжественно облачили в бесформенное одеяние серого цвета – хабит, туго обмотали голову и шею белым платком, водрузили поверх черную шапочку-велон с белым крестом, на котором были вышиты красные знаки в память о ранах Христа.

Настя горестно оглядела непрезентабельный наряд: «Твою мать! Как можно напялить такое убожество добровольно?»

Потом была исповедь, на которой она старательно каялась в греховных мыслях, и, наконец, приговор, вынесенный матерью Анной: неделю работы в прачечной, строгого поста – «вода страданий и хлеб скорби», десять ударов розгами по спине.

После экзекуции, которую исполняли сестра Ортензия и сестра Ванда, Настя отправилась на «исправительные работы». Вопреки ее ожиданиям, сестры не стали свирепствовать, скорее делали вид, что хлестали. Труд в прачечной оказался гораздо более серьезным испытанием.

В небольшом помещении без окон было сыро и холодно. Многочисленные скатерти из трапезной, покровы и ризы засыпали щелоком, замачивали в чанах с ледяной водой, а ее еще требовалось натаскать из реки. Через час работы у Насти уже ломило все тело, пальцы сводило от холода. Когда же наступало время стирки, она шла в кухню за горячей водой.

Щелок разъедал кожу рук, спина затекала от стояния над чанами, но самым тяжелым оказалось полоскание белья в реке. Настя была уверена, что через пару дней заработает хронический ревматизм. Поэтому, когда колокол ударил шесть раз, что означало созыв монахинь к ужину, она вздохнула с облегчением.

В трапезной ей, как наказанной, полагалось место в самом конце стола, где дежурная сестра уже положила кусок сухого хлеба, поставила глиняную кружку с водой. Настя и этому была рада, но пришлось минут пятнадцать стоять возле своего места, ожидая прихода аббатисы.

Мать Анна вошла, произнесла молитву, затем чтица начала отрывок из устава. Ноги, натруженные за день, гудели и подкашивались. Конец чтения Настя восприняла с благодарностью, готовая даже поверить в Бога, лишь бы ей позволили отдохнуть.

Трапеза проходила в полном молчании – сестры сидели, опустив глаза каждая в свою тарелку с бобовой кашей – смотреть по сторонам не позволялось. Пищу вкушали достойно, едва ли не благоговейно, изредка знаками прося друг друга передать хлеб. Настя быстро сгрызла свой кусок, запила водой – опять холодной. После снова была молитва, потом отправились в храм на повечерие. Здесь, стоя у икон и послушно повторяя слова псалмов, Настя мечтала лишь об одном: согреться и отдохнуть.

Но и в dormitorio – общей спальне монахинь – было холодно, пожалуй, не теплее, чем на улице. Сестры устраивались в ряд на соломе, толстым слоем устилавшей каменный пол, укрывались тонкими колючими одеялами. Не раздевались, лишь снимали шапочки и разматывали платки – устав предписывал не оголяться для сна, усмиряя таким образом плоть, да и холод не позволял спать раздетыми.

В спальню, светя себе масляной плоской, заглянула сестра Ортензия. Она совершала ежевечернее инспектирование монастыря, проверяла все постройки, потом запирала на ночь ворота и укладывалась спать в привратничкой. Обойдя dormitorio, по головам посчитала монахинь, удовлетворенно кивнула, вышла.

Вскоре вокруг воцарилась тишина, нарушаемая только сопением и похрапыванием. Настя дрожала под вытертым до основы одеялом, пытаясь хотя бы задремать – сон не шел. А ведь в полночь вставать и снова идти на молитву, вспомнила она. Потом утренняя, краткий отдых и в шесть утра – подъем.

Нет, решила Настя, надо выбираться отсюда. Не холодом, так молитвами уморят святоши. Только вот куда податься? В дом родителей Одилии нельзя, вернут в монастырь. Дочь-монахиня – грустно, но почетно: она вместе с другими сестрами спасает души людей, молясь за весь мир, создавая вокруг него защиту чистыми словами и помыслами. Дочь – беглая монахиня – страшный позор. Найти бы Данилку, подумала она. Но даже неизвестно, жив ли он.

Наконец Настю сморил крепкий сон. Исчез холод, отошли тревоги, она все глубже проваливалась в ласковое забытие. Здесь было тепло и уютно, плавали разноцветные пятна, складываясь в смутные, но знакомые, родные образы: машины, проносящиеся по центральной улице, зеленая дверь ее подъезда, недавно купленное голубое пальто, которое так красиво сидело на фигуре, лицо мамы... Казалось, вот-вот – и она шагнет туда, вернется в свою, настоящую жизнь, оставив мрачное Средневековье лишь воспоминанием о страшном бреде...

Тихий ноющий звук незаметно вторгся в приятное сновидение. Звук не из ее мира. Призрачный стон вкрадчиво коснулся сознания, отыскивая лазейку, потом ледяной иглой вонзился в него, проникая все глубже, вырывая из забытия. Навязчивый, холодный... страшный. Так воют привидения в фильмах ужасов.

Настя проснулась, открыла глаза, глядя в абсолютную темноту. Звук никуда не делся. Он шел от двери, постепенно приближался. Ветер гуляет по галерее?

Она прислушалась еще. Ночь наполнилась шепотами. Станные голоса – мужские, женские, детские – произносили обрывки фраз на незнакомом ей языке, истаивали, появлялись снова. Похожие звуки она слышала в монастырском подвале, только эти были громче, назойливее. Рядом с лицом зашуршала солома, над головой едва заметно всколыхнулся воздух, как будто кто-то или что-то пролетело мимо. На мгновение Насте показалось, что по щеке мазнуло ледяное крыло.

Внутри поселился иррациональный, животный страх, по телу пробежала дрожь, хотелось зарыться в солому, спрятаться, накрыться с головой одеялом, как в детстве, отгораживаясь от всего непонятного и пугающего.

Настя упрямо фыркнула и уселась на постели. Нет никаких призраков, это просто ветер! Сейчас она ляжет и снова уснет. Впереди трудный день, надо отдохнуть.

– Ты тоже слышишь? – жалобно и тихо спросили справа.

Настя вздрогнула от неожиданности.

– Не бойся, это я, сестра Мария, – плеча коснулась теплая рука. – Ты слышишь, сестра?

– Ветер, – сердито ответила Настя. – Спи.

– Это не ветер, – прошептала монахиня. – Это они... Они опять идут. Они снова кого-то забрали, вот увидишь утром.

– Кто – они?

– Нельзя говорить. Нельзя произносить. Иначе они придут за нами.

Сестра Мария подобралась вплотную к Насте, привалилась боком, так что сквозь одеяло ощущалась бившая ее дрожь.

– В прошлый раз они забрали сестру Эльзу. Потом сестру Елену. Чья очередь теперь? Мне страшно...

Вой становился все ближе, шепотки в комнате – все явственнее. Надо найти свечу и посмотреть, кто здесь такой inferнальный, подумала Настя, пытаясь заглушить ужас. Но он не уходил, парализовал разум, сковал тело, полностью подчинял себе.

Стон прозвучал совсем рядом, дверь, открываясь, тихо заскрипела. Вдруг в коридоре раздалась громкие тяжелые шаги, и призрачный вой перешел в душераздирающий вопль. Дверь спальни захлопнулась. Кто-то бесновался в коридоре – то визжал, то выл, то выкрикивал басом грязные ругательства.

– Ложись, сестра! Ложись, пожалуйста! А то они увидят тебя! – Сестра Мария потянула Настю на солому, прижалась, натянула одеяло, закрывая с головой.

Так вдвоем они протряслись, пока не зазвонил колокол, возвещая о начале утрени. Тогда и выяснилось, что в одну из монахинь вселились бесы.

Он неслышной тенью скользил по сонному Равенсбургу. Шел пустынными грязными улочками, заглядывая в темные окна. Тяжелые шаги по мостовой – стража. Он накинул капюшон плаща, пряча лицо, полностью сливаясь с ночью, отступил в узкий переулок, переждал. Двинулся дальше, жадно вдыхая запахи спящего города: от лавки мясника исходил тяжелый дух падали, от дома аптекаря тянуло пряностями и травой, из канав воняло гнилью, нечистотами и помоями. Запахи людей. Он мечтательно улыбнулся. Скоро в Равенсбурге воцарится лучший в мире аромат – свежей крови. Человеческой крови.

Сенкевич

В дешевом трактире пахло прогорклым маслом, вареной капустой и скисшим пивом. Перекрикивались пьяные, глухо стучали глиняные кружки. Толстая служанка в несвежем фартуке с трудом пробиравлась между длинными столами.

Сенкевич купил пива, сыра и хлеба, устроился в середине маленького зала. Есть и пить не хотелось, он как-то неважно себя чувствовал. Возможно, период адаптации? Ведь даже со сменой климата или часового пояса случается недомогание, а тут – шутка ли – смена эпохи! Да еще и без сигарет, чтоб ее, эту Европу... Как же он об этом не подумал? Сенкевич неторопливо отщипывал маленькие кусочки хлеба, отправляя в рот, прислушиваясь к разговорам в трактире. Ради них сюда и пришел.

Покопавшись в памяти Фридриха Берга, он выяснил: кроме сект дьяволопоклонников, в одной из которых состоял объект, в городе было множество колдунов-одиночек, не желавших примыкать ни к одной компании. На таких Сенкевич и решил сделать ставку, только теперь следовало их найти. Память Берга нужных сведений не содержала, пришлось пренебречь безопасностью и отправиться на поиски. Где еще можно почерпнуть информацию, как не из сплетен подпивших горожан?

Все разговоры за столами вертелись вокруг вчерашнего ареста. В пьяных голосах слышались страх и ненависть, люди с нетерпением ждали аутодафе – похоже, в Равенсбурге действительно житья не было от колдунов.

Сенкевич прислушался к беседе двух пожилых толстяков, которые сидели неподалеку:

– Уж мы их жжем, жжем, а меньше не становится. Поветрие какое-то.

– И не говори, герр Хейдель. По весне у моих соседей новорожденного сына прямо из колыбели унесли. Хороший был мальчишка, крепкий. Так и не нашли младенчика... Может, цыгане украли. Все они колдуны, герр Хейдель. Ведь проклятые безбожники опять приехали, слышали? Говорят, в лесу недалеко от Равенсбурга разбили шатры, ворожат, гадают. И куда только смотрит святая инквизиция?

– Что там соседи, что там цыгане, герр Шухмахер, – толстяк утер слезу. – Сам знаешь, какое горе приключилось с моей несчастной дочерью... После того как безбожники поглумились над нею, бедняжка так и осталась слабоумной.

Герр Шухмахер печально покивал, отгоняя от лица назойливую муху:

– Слава господу, их поймали и сожгли.

– Но это не вернет разума моей милой Лизхен... – вздохнул герр Хейдель.

– А урожай? Его уничтожили ранние морозы. Колдовство, колдовство, не иначе... А волки? Говорят, в окрестных деревнях нет от них житья. И говорят, это непростые волки...

– Да, герр Шухмахер, в страшные времена мы живем, в страшные...

Его собеседник перешел на шепот, Сенкевичу пришлось напрягать слух.

– Если хочешь знать, герр Хейдель, я думаю, половина Равенсбурга занимается колдовством. Вот если бы их всех можно было сжечь, честные горожане могли бы спать спокойно.

– Ты что-то знаешь? – Герр Хейдель подался вперед, испытующе глядя на товарища. – Если так, ты должен донести на безбожников. Это есть священный долг каждого доброго католика.

– Да, так, – согласился герр Шухмахер. – Но я только слышал, сам не видел. Люди говорят про нового ученика аптекаря Келлера. Как только он появился, в аптеке стало твориться всякое...

– Что же там, герр Шухмахер?

– Пожары, герр Хейдель. Еще люди постоянно слышат странный грохот, а из окон аптеки однажды валил красный дым.

– О, мой бог! Герр Шухмахер, мы обязательно должны донести на него. Ты сам подумай: все аптекари ведуны, а ученик Келлера еще и еврей. Да пожары... Непременно эти еретики занимаются там колдовством!

На протяжении всего разговора почтенные горожане старательно наливались пивом, пока у них не начали заплетаться языки.

– Н-но вдруг он не колдун? – все еще сомневался герр Шухмахер.

– Инвики... инкики... инквизиторы – люди мудрые. Сами разберутся. А наше дело – донести по-христиански. Да если и не колдун, ну сожгут одного еврея, так что за беда? – рассудил герр Хейдель.

– Точно! – Герр Шухмахер стукнул кулаком по столу. – Евреев не жалко. Они еретики!

– Пойдем, герр Хейдель!

Толстяки поднялись и медленно побрели к выходу, держась друг за друга.

Сенкевич услышал все, что ему было нужно. Судя по рассказу, ученик аптекаря наверняка занимался алхимией. Такой человек мог пригодиться. Покопавшись в памяти Берга, он выудил местонахождение аптеки – в первом переулке от ратуши – и поднялся. Пока пьяные герры доберутся до инквизиторов, он успеет перехватить парня. Если тот действительно может оказаться полезным, заберет к себе, если же нет... Сенкевич не собирался спасать невинных, самому бы уцелеть.

Он стал подниматься, но тут чья-то тяжелая рука легла на плечо, придавила к лавке. Сенкевич обернулся – перед ним стоял здоровенный белобрысый детина, судя по исходившему от него запаху и коричневым пятнам на рубахе, мясник. Мужик пошатывался, говорил невнятно:

– Ты трогал мою Гретхен. Я тебя разделаю, как свинью...

Сенкевич огляделся: кроме толстой служанки, других женщин в трактире не было.

– Т-т-ты гладил ее задок, – продолжал здоровяк. – Ее милый п-пухленький задок...

По мнению Сенкевича, то, что находилось у служанки ниже спины, больше походило на жопу. Но аналога этому слову в немецком он не нашел, да и затевать драку не входило в его планы. Открыл было рот – успокоить мясника и пояснить, что не покушался на честь Гретхен, но тот не дал. С дурным воплем:

– Убью! – взмахнул огромным кулаком.

Сенкевич ухватил кружку, поднялся и впечатал ее в лоб агрессора. Глиняная посуда разлетелась в черепки, недопитое пиво потекло по круглому красному лицу. Мясник на мгновение замер, протер глаза и снова замахнулся, но Сенкевич, воспользовавшись замешательством, врезал ему в челюсть. Мужик попятился, сшиб пару человек, однако на ногах устоял. Зато теперь в драку с удовольствием вступили те, кого он толкнул.

– Ганса бьют! – заорал кто-то из угла зала, и к месту потасовки устремились еще трое.

Схватки образовались сразу в нескольких местах. Пьяные горожане с удовольствием ухватились за предлог выместить страх перед колдовством, неуверенность в завтрашнем дне, которые много дней уже отравляли и озлобляли человеческие души. Служанка убежала прочь, трактирщик невозмутимо скользил между дерущимися, убирая кружки со столов.

Мясник снова ринулся на Сенкевича, но не смог к нему пробиться и принялся мутузить тех, кто ближе.

Сенкевич перехватил поперек тяжелую лавку и, размахивая ею направо, налево, пробрался к выходу. Отдышавшись, быстрым шагом направился к аптеке, прикидывая, сколько времени потерял.

На ратушную площадь он ступил с опаской – судя по всему, именно здесь должна была располагаться тюрьма, а значит, инквизиторы обосновались где-то рядом.

Тяжелое трехэтажное здание серого кирпича с большой прямоугольной башней и квадратными башенками поменьше находилось напротив городских ворот. У высоких дверей прогуливались стражники, входили и выходили люди. На крыльце стоял толстый человек в черном

плаще с крестом на груди – инквизитор, с одобрительной улыбкой наблюдая, как два стражника тащат через площадь плачущую пожилую женщину.

Стараясь не привлекать внимания, Сенкевич шмыгнул в первый переулок от ратуши. Аптеку нашел сразу же – по характерному травяному запаху, который перебивал даже уличную вонь. Здесь не было ни стражников, ни любопытствующих соседей – значит, он не опоздал. Внутрь заходить не стал, сначала обошел дом вокруг, присмотрелся к черному ходу. Скорее всего именно он вел к лаборатории аптекаря, там и должен был находиться ученик.

В том, что расчет был верен, Сенкевич вскоре убедился. Раздался оглушительный грохот, обшарпанная дверь распахнулась, на улицу вырвались клубы черного дыма. Потом выскочил невысокий тощий парень лет двадцати, вслед ему неслись ругань и проклятия.

Парень наткнулся на Сенкевича, остановился, потряс головой – видно, был оглушен. Черные кучерявые волосы его обгорели на концах и стояли дыбом, бровей и ресниц просто не было, на щеках под пятнами сажи проступали красные очаги ожогов. Физиономия выражала сложную гамму чувств – смесь страха, удивления и восторга.

Ученик снова тряхнул головой, и слегка картавя, пробормотал:

– Не надо было добавлять в мыльную основу азотную кислоту. Что-то не то получилось...

Сенкевич усмехнулся: похоже, парень только что чуть не изобрел нитроглицерин – способный алхимик, ничего не скажешь. Тут же приняв решение, строго произнес:

– Пока ты опытами занимаешься, за тобой стражу выслали. Добрые соседи думают, ты колдун.

Парень воровато огляделся, шмыгнул обратно в дверь. Вскоре он выбежал из аптеки с мешком через плечо и со всех ног припустил по переулку. Видно, давно уже готовился к аресту, подумал Сенкевич, отправляясь вдогонку.

– Стой! Стой, говорю!

Ученик аптекаря даже не думал останавливаться. Пришлось прибавить ходу. Наконец, задышавшись и мысленно матерясь, Сенкевич схватил шустрого беглеца за плечо, развернул на ходу к себе:

– Ты куда несешься?

Тот замялся, не зная, можно ли доверять странному незнакомцу.

– Не бойся. Это же я тебя предупредил. Зачем мне сейчас тебя выдавать?

– Спасибо тебе, добрый господин, – скороговоркой ответил мальчишка. – Но мне идти надо, пока не началось...

– Тебе есть где спрятаться?

– Главное, из города выбраться. Я думал к цыганам пойти...

– Нужен ты им, – пренебрежительно отмахнулся Сенкевич. – Скоро святая инквизиция и за них примется, вот увидишь.

Парень затуманился:

– И куда же податься несчастному еврею? Повсюду гонят, повсюду ненавидят, повсюду жгут... о, мой бедный, бедный народ...

– Меньше надо аптеки громить, – наставительно заметил Сенкевич. – Пойдем, я знаю место, где можно пересидеть в первое время. Шапку только надень, прикрой лохмы. Как тебя зовут?

– Аарон. – Мальчишка шмыгнул носом, извлек из мешка помятый берет, водрузил на голову.

– А меня Фридрих. Пойдем со мной, Аарон.

– Я не колдун, – обиженно бубнил по дороге парень. – Не жру младенцев, не летаю на шабаши, не целую дьявола под хвост.

– А что, колдуны целуют? – скептически осведомился Сенкевич.

– Ну а как же! Обязательно! И колдуны, и ведьмы, – убежденно ответил Аарон.

– И зачем?

– Как они иначе преданность докажут? Это называется срамной поцелуй. А ведьмы так еще и совокупляются с сатаной.

Станет сатана на них силы тратить, подумал Сенкевич. Делать ему нечего, приходиться ко всем, кому в голову взбредет шабаш устраивать, подставлять задницу под поцелуи – так и герпесом заразиться недолго, да еще и немых баб потом трахать. Но выдумка хороша, это он признал уже давно, с того момента, как занялся всерьез темными науками. Святая инквизиция понимает толк в черном пиаре. Вслух же произнес:

– Хорошо, верю. На шабаши ты не летаешь, задов не целуешь. А чем занимаешься?

– Алхимией и астрологией. Это науки, а не колдовство!

– Хочешь, покажу тебе совсем новые алхимические опыты? – предложил Сенкевич, подлаживаясь под его манеру говорить. – Я много знаю о свойствах веществ.

Мальчишка загорелся:

– Конечно, хочу! Герр Келлер только учил меня смешивать микстуры и делать настойки. Но мне нужно не ремесло, а наука! Я хочу получить философский камень, сделать из свинца золото...

– Золота не обещаю, – хмыкнул Сенкевич, – но много других полезных вещей делать научу.

Задними дворами они добрались до окраины города, зашли в лачугу Эльзы. Зомбированная женщина теперь все время пребывала в благостном настроении и не обратила никакого внимания на нового жильца.

Придется подыскивать другое убежище, подумал Сенкевич. Здесь втроем уже тесно, да и воняет жутко. И деньги кончаются... Надо скорее осуществлять свои задумки. Но для этого требуются люди...

– Аарон, проводишь меня в цыганский табор?

Мальчишка охотно согласился.

Глава третья

Дан

Монументальная ратуша с многочисленными башенками, крепостная стена – настоящая, прочная, способная защитить город при штурме. Тяжелые ворота, стражники возле них. Мужчины в плащах, серых рубахах и – как назывались эти штаны? Шлоссы вроде бы или шоссы. Женщины в длинных накидках, в чепцах, закрывающих волосы, и темных платьях, перетянутых передниками. Угрюмые лица, подозрительные взгляды. Запах дыма – здесь без конца кого-то жгут, вонь нечистот – горожане выливают содержимое ночных горшков прямо на улицу. Мухи, несмотря на холодную октябрьскую погоду, роящиеся вокруг домов. Все это реальность. Это не сон и не бред. Дан порадовался, что не наломал дров, пытаясь проснуться. Вот бы хорош он был, послав инквизиторов подальше!

Очевидно, то пульсирующее пятно было чем-то вроде портала или прорыва во времени. Как в фантастике и фэнтези, которые любил на досуге почитать Дан. Только вот жаль, вместо прекрасных эльфов (а главное, эльфиек), новых возможностей и власти над миром он получил мрачное Средневековье, в котором, оказывается, еще существуют и колдуны. И выглядят они совсем не как в фэнтези-романах.

Раз Сенкевич запихал его в прошлое, значит, может и вернуть. Он-то понимал тогда, что происходит, это было видно по его поведению. Нужно как можно скорее найти этого гребаного фокусника и заставить его снова открыть дыру.

Выходит, и Настя здесь, ее надо отыскать в первую очередь. Наверняка она тоже переместилась в чужое тело. Затруднит ли это поиск? Дан так не думал. Сейчас он был уверен: человек, который привлек его внимание в толпе – Сенкевич. Дан ощутил его присутствие, на подсознательном уровне, что ли. Он не понимал, откуда это знает, но уверенность все крепла. В конце концов решил, что причина неважна. Может, совместное путешествие во времени их связало, может, что-то еще, но это давало надежду, что Дан так же почувствует Настю.

Он заглядывал на улице в лицо каждой девушки и женщины, пытаясь узнать в ней подругу – пока безрезультатно. Ничего, думал Дан, скоро, как сподвижник инквизиции, он получит доступ в любой дом, тогда и найдет Настю. Лишь бы она сумела выжить. Он хорошо знал: его девушка не из тех, кто теряется в незнакомой обстановке.

Шпренгер не терял времени даром. Вчера, сразу после допроса, Дан, а вернее, Мартин, был зачислен в ученики ближних, и его отвели в казарму – там было человек двадцать, молодые парни. Дан не стал даже знакомиться с будущими товарищами – сполоснулся из бочки с холодной водой, смыл кровь, рухнул на отведенный ему соломенный тюфяк и уснул.

Ранним утром, еще до рассвета, мрачный монах разбудил обитателей казармы зычным воплем. Ученики вскочили, замерли по стойке смирно. Монах двинулся вдоль рядов, критически оглядывая подопечных. Он был высок, жилист и широкоплеч. Худое, почти изможденное лицо выражало недовольство, длинный нос и близко посаженные глаза делали его похожим на птицу. Он даже голову наклонял по-птичьи.

– Воины Христовы должны отрешиться от потребностей тела! – резким голосом произнес он. – Плотское не для тех, кто избрал путь служения господу! Скромность и отречение – вот ваша стезя!

– Брат Готфрид, – шепнул Дану стоявший рядом хрупкий паренек. – Наставник. Истинный зверь рыкающий...

– Молчать! Еще слово – и отправишься на экзекуцию. – Монах остановился перед Даном, уставился в глаза. Во взгляде горела та же фанатичная одержимость, что и у Шпренгера. –

Клинок... Брат Яков говорил о тебе. Я буду наблюдать, Клинок... А теперь, – он снова повысил голос, – вознесем молитву Господу.

После молитвы и скромного завтрака часть учеников послали помогать ближним с арестами, остальные пошли обучаться бою на мечях. Дану же предстоял первый урок богословия, письма и чтения. Неизвестно, почему, но Шпренгер сразу выделил его среди остальных, которым такие знания не давались.

– Ты умеешь читать и писать? – спросил он.

Дан едва не ответил «да», но память Мартина вовремя подсказала: «нет». Откуда у простого солдата могли быть такие знания?

– Брат Юрген обучит тебя грамоте и началам богословия, – решил инквизитор. – Не забывай, Мартин, ты – наше знамя.

Пассажа насчет знамени Дан не понял, а переспрашивать не стал. Уроки так уроки.

Занятия с братом Юргеном проходили в библиотеке при церкви. Дана, весьма смутно представлявшего, как может выглядеть такое собрание книг, поразило его богатство. Весь первый этаж большого двухэтажного дома был заставлен полками, на которых плотно теснились тяжелые фолианты. Отдельно лежали свитки – горы, монбланы, эвересты свернутых в трубочку рукописей.

– Это все богословские труды? – пораженно спросил Дан сгорбленного худощавого монаха, который терпеливо ожидал, пока ученик налюбуется библиотекой.

Брат Юрген беззубо улыбнулся:

– Нет. Здесь есть всякие книги – и церковные, и светские. Наш орден славится ученостью. Господь даровал человеку разум, и мы чтим его плоды.

Дан поразила брата Юргена своими успехами – он тут же усвоил алфавит и перешел к чтению простых слов.

– Вижу, слухи не врут: Господь и вправду отметил тебя, – проговорил монах.

Дан смиренно склонил голову. Способность человека из двадцать первого века усваивать информацию творила чудеса. Такие дарования у безграмотного солдата выглядели странно, но не замедлять же было обучение.

К середине дня брат Юрген отпустил его, и Дан пошел на урок к мечникам. Занятия проходили за ратушей, добрую половину которой занимала инквизиция.

Ученики, разбившись на пары, сражались деревянными мечами. Дан, который уже несколько лет занимался кендо, отметил, что парни далеки от совершенства: неуклюжие движения, никакой гибкости, неумение предугадывать маневр противника, парировать удары – скорее всего, многие впервые взяли в руки меч.

Вокруг расхаживали два здоровых мужика, покрикивали:

– Карл, кисть держи! Так тебе только руку выбьют!

– Арне, не маши мечом! Ты не мух отгоняешь!

– Ганс, чего стоишь как столб? Двигайся, двигайся!

Ученик, к которому относилось последнее замечание, был на голову выше Дана, в полтора раза шире в плечах. Круглое полудетское лицо было добродушным и слегка удивленным. Ганс лениво наблюдал за противником, который бестолково скакал вокруг него. Через какое-то время, дождавшись, когда тот приблизится, здоровяк размахнулся, с силой врезал парню по шее деревянным клинком. Ученик взвыл и упал, наставники переглянулись.

– Это меч, а не дубина, Ганс. Тут не только сила нужна. Ладно, тебя не переделывать. Иди сюда. – Учитель кивнул Дану, усмехнулся: – Посмотрим, какой из тебя Клинок.

Поймав брошенный наставником деревянный меч, Дан встал напротив Ганса. Тот, так и не двинувшись с места, добродушно улыбнулся.

Это был совсем не тот меч, к каким Дан привык на занятиях кендо – широкий и довольно короткий, он больше походил на большой кинжал.

– Меч ближних, – пояснил наставник. – Скоро тебе дадут настоящий, если заслужишь.

Плясать вокруг неподвижного Ганса не имело смысла. Дан сделал обманный шаг влево, потом стремительно бросился навстречу противнику, нанес условный удар в живот. Ганс от неожиданности попятился, опять замахнулся, словно дубиной, Дан подставил меч поперек. Клинки скрестились, Ганс надавил изо всей силы. Дан сделал шаг назад, повел свой меч, отбил атаку противника, потом чиркнул клинком по его груди. «Убитый» Ганс все же сумел сделать выпад и ударить Дана. Он отпрыгнул, но меч вскользь задел по плечу.

– Ганс, ты убит, – рассмеялся наставник. – Ступай, отдохни, а то всех учеников нам покалечишь. Клинок, гляжу, тебя не зря так зовут. Становись с бароном.

– Я не барон! – сердито отозвался невысокий хрупкий юноша, который утром заговорил с Даном.

Он отличался от остальных учеников – смазливый лицом, уверенными манерами и дорогой одеждой.

– Ты будешь тем, кем я захочу, – парировал наставник. – Скажу, что висельник, и на него отзовешься.

– Андреас фон Гейкинг, – представился противник, отсалютовав Дану мечом.

Этот был неплох – юркий, подвижный, быстрый. Дану пришлось попотеть, отражая его удары. Андреас фехтовал азартно, сопровождая каждый укол радостным восклицанием. Достать его так и не удалось.

После занятий учеников отпустили в казарму. Дан улегся на тюфяк, закинул руки за голову и задумался о Насте, но долго размышлять ему не дали:

– Эй, барончик, ты мне рубаху деревяшкой порвал! – гнусаво и тонко.

– А мне чуть дыру в брюхе не прокрутил, свинья, – голос пониже.

– Приношу искренние извинения, почтенные господа, – звонко, издевательски-вежливо. – Но в бою случаются потери.

– Это он с мечом такой смелый, – шепеляво вмешался еще один, – а без него девка девкой. Вы гляньте, кудри какие, щечки румяные.

– Так может, ты и есть девка, а, барончик?

Дан поднял голову. Недовольные тренировкой ученики обступили фон Гейкинга. Дворянина в казарме явно не любили. Тот парировал, как фехтовал – дерзко и весело:

– Желаете убедиться? Всегда к вашим услугам, господа!

– Ах ты еще и смеешься? Бей его, ребята!

Вокруг Андреаса тут же образовалась свалка. Дану было плевать и на барона, и на остальных, но семеро на одного – это его возмутило. Хрупкого фон Гейкинга за спинами нападавших даже не было видно, лишь изредка раздавались его азартные вопли.

Дан вскочил и двинулся на подмогу. Одному ученику врезал в челюсть, другого свалил ударом ноги в живот. Третий достал кулаком его. Дан потряс головой и снова ринулся в свалку.

– Наших бьют! – прозвучал клич, одинаковый во все времена и у всех народов.

К драке присоединилась вся казарма, кроме худощавого сероволосого парня, лежавшего, накрывшись одеялом, и здоровяка Ганса, который сидел на тюфяке, раскачивался и бормотал:

– Ох, не доведет это до добра. Ох, чую, что-то плохое будет...

Теперь их было двое против двадцати. Пробившись к фон Гейкингу, который был уже изрядно потрепан и избит, но все еще держался на ногах, Дан бросил:

– За спину!

Встав спина к спине, они еще какое-то время сдерживали напор, но вскоре их растащили в разные стороны. Андреаса сбил с ног потный толстяк, уселся на него верхом и принялся тузить по лицу. Дан схватился сразу с двумя парнями – оба были дохловаты, но кулаками работали активно.

– Добрые католики так не делают! – раздался вдруг полный скорби басовитый голос. – Остановитесь, во имя Господа!

Никто из учеников не обратил внимания на призыв. Тут один из противников Дана вдруг повис в воздухе, потом отправился в полет через всю казарму. Упав, уже не поднялся. Следом за ним полетел второй – в драку вступил флегматик Ганс. С причитаниями:

– Что-то будет, что-то плохое будет, Иисусе и Дева Мария. – Он расшвыривал дерущихся, словно щенков.

С прибытием подкрепления дело пошло быстрее. Дан с энтузиазмом помогал Гансу, тот постепенно продвигался к Андреасу, который уже освободился от толстяка и крутился волчком, отбиваясь от нескольких противников. Барон как будто не чувствовал ударов, только скалился и выкрикивал ругательства.

В свалке Дан заметил, как у одного нападавших на фон Гейкинга в руке что-то блеснуло. Он прыгнул вперед, успел выбить у парня нож, которым тот целил в бок Андреаса.

– Что тут такое? – В казарму вошел брат Готфрид. – Все по местам!

Ученики тут же разбежались. Барон ловко подопнул нож, забив его под ближайший тюфяк.

Наставник долго разбираться не стал, назначил всем в наказание по три удара кнутом, приказал десять раз прочесть «Отче наш» и вышел.

Ученики по очереди двинулись на экзекуцию, поругиваясь и подсчитывая синяки. Дан решил, что торопиться некуда, и собрался снова улечься. Но ему опять не дали поразмыслить.

– Ты спас мне жизнь, Клинок. – Андреас протянул руку. – Я твой должник. Позволь считать тебя другом.

– Согласен, барон. – Дан пожал маленькую ладонь.

– Я не барон, – словоохотливо пояснил Андреас. – Это всего лишь прозвище. Батюшка мой, почтенный Рихтер фон Гейкинг, да ниспошлет ему Господь долгих лет жизни, действительно носит баронский титул. Но наследует его, как и все состояние, старший сын Дитмар. В случае же смерти моего любезного брата у батюшки имеются в запасе еще два наследника. Я – четвертый сын в семье. Не имея надежд на будущее, отправился зарабатывать золото и почести в рядах воинов Христовых. Но, думаю, изрядно промахнулся...

Дан рассмеялся.

– И ты, Ганс, – продолжил барон. – Для меня будет честью назвать другом и тебя.

Здоровяк молча кивнул и ответил крепким рукопожатием.

– Верность друзьям, смерть врагам! Таков родовой девиз фон Гейкингов, – торжественно подытожил Андреас.

Настя

Вторая ночь в монастыре, кажется, обещала быть спокойной – ни стонов, ни шепотов вокруг. Настя уже готовилась погрузиться в блаженную дремоту, как вдруг справа раздалось шуршание соломы. «Мышь! – промелькнула паническая мысль. – Или даже крыса...» Настя не боялась темноты, высоты и скорости, не раз участвовала в задержании опасных преступников, работала «приманкой» в операции по поимке маньяка... но, как и многие женщины, приходила в ужас от одного вида грызуна.

Она напряглась, осторожно приподняла голову, прислушалась. Нет, для мыши слишком громкие звуки. Кто-то из сестер вставал с подстилки. В отхожее место собралась, наверное, подумала Настя. Ничего удивительного, наверняка здесь все каждые полчаса бегает от холода.

Глаза уже привыкли к темноте, она разглядела белый силуэт – монахиня, закутавшись в платок, прошла через dormitorio, потянула дверь, ведущую на галерею. Выход в коридор, соединявший спальню с отхожим местом, находился в противоположной стороне.

Настя снова попыталась задремать, но тут зашуршали слева. Поднялась вторая женщина и тоже выскользнула на галерею.

Настю одолело любопытство. Что, если дамочки собрались прогуляться за стенами монастыря? Может быть, здесь есть тайные лазейки? Нельзя было упускать случай. Она тихо поднялась, выглянула из dormitorio.

Лунный свет, падая через арки галереи, ложился широкими дорожками на каменные плиты пола. Здесь, на лунных полотнищах, бесновались две фигуры в серых балахонах. Монахини будто исполняли странный, гротескный танец под одну им слышимую музыку. Настя не могла представить, какие звуки подошли бы для такой пляски. Ни в одном, самом чумовом клубе, так не танцевали даже под экстази. Монахини приседали, извивались, раскачивались в стороны, их руки, ноги и головы словно существовали отдельно от тел – настолько раскоординированными были движения.

Настя жалела, что издали не может видеть лиц женщин, подойти ближе не решилась – вдруг заорут, перебудят весь монастырь. Одна из сестер действительно стала тихо подвывать, скинула хабит, выплясывала в нижней рубаше. Вторая, полная и невысокая, пошла дальше – разделась догола, запрыгала, трясая тяжелыми отвислыми грудями.

Кажется, отправляться за ворота женщины не собирались. Настя уже намеревалась нырнуть обратно в спальню – пусть себе развлекаются, может, у них в монастыре так принято, ночные дискотеки под луной устраивать. Но тут толстуха заметила ее, вытянула руки и с утробным рычанием ринулась к девушке. Убегать в dormitorio было глупо – чокнутая баба переполошила бы всех сестер. Настя встала в стойку, примериваясь, как бы лучше провести дагэки¹¹. Тощенькое нетренированное тело Одиллии слушалось плохо, но атака удалась – монахиня отлетела на три шага, шлепнулась на задницу. Тут же подросла вторая, получила цуки-дзедан¹², пошатнулась. Однако бабы сдаваться не собирались – издавая звериные вопли, бросились снова. Не справиться, подумала Настя. Эх, вернуться бы в себя – живо бы их успокоила.

Она заскочила все же в спальню, захлопнула дверь, подперла ногой, удерживая изо всех сил. Сумасшедшие, визжа и рыча, ломились за ней.

Сестры просыпались, испуганно переговаривались в темноте. Наконец одна зажгла свечу, подняла повыше. В этот момент силы Насти иссякли, ее преследовательницы вынесли дверь и вбежали в dormitorio.

¹¹ Дагэки – атакующий, сильный удар в айкидо.

¹² Цуки-дзедан – удар кулаком в область подбородка.

– Бесы! – выкрикнула монахиня, державшая свечу, и принялась креститься. – Помилуй нас, господи...

– Он призывает! – инфернальным басом прогудела толстуха.

– Держите их лучше, потом помолитесь! – рявкнула Настя.

Она умудрилась сделать подсечку толстухе, та упала ничком. Оседлав противницу, Настя заломила ей руку за спину. Вторую скрутили сестры. Бесноватые оказались невероятно сильными, изрыгая проклятия, они вырывались, пинались и норовили укусить державшие их руки.

Явилась мать Анна в сопровождении привратниц. Женщин поволокли в подвал, они кривлялись и гримасничали, высовывали синие, как у чау-чау, языки, выкрикивали не своими голосами страшные богохульства. Красные, воспаленные глаза вылезали из орбит, лица покрылись синеватыми прожилками вен. Аббатиса, выходя из dormitorio, бросила на Настю подозрительный взгляд.

– Страшно как, – прошептала, крестясь, хорошенькая девушка.

– А что с ними?

– Ты что, не знаешь? Бесы вселились. – Девушка округлила глаза. – Боязно, господи... Давай рядом ляжем.

Кажется, ее зовут Мария, вспомнила Настя. Сестра Мария. Они устроились рядышком на соломе. Сестра Мария оказалась разговорчивой.

– Это заразно, – шептала она на ухо. – Как чума.

– С чего ты взяла?

– Ах, ты не знаешь. Ты ведь была в другой спальне, для послушниц, а мать Анна никому не говорит... Три дня назад бесы вселились в сестру Луизу. Она до сих пор в подвале, мать Анна сама ее отчитывает. Да говорят, не помогает, не отпускают бесы.

Из угла раздался дикий ведьмовской визг и шум, снова зажгли свечу. Пожилая монахиня билась на соломе, закидывалась в припадке. Руки и ноги вывернулись под неестественными углами, изо рта падали клочья пены, глаза бешено вращались. Женщина взвизгнула еще раз и застыла в неподвижности, как мертвая. Одна из сестер подошла, робко протянула руку, чтобы закрыть несчастной глаза, но та вдруг дернулась, захрипела.

– Меня зовет повелитель, – рвался из горла тяжелый бас.

Вскоре и ее потащили в подвал.

– Видела? – сестра Мария тихонько заплакала. – И нас всех бесы одолеют. Говорят, сам нечистый их посылает...

Как же, нечистый, скептически подумала Настя. Сами себя доводят. Едят скудно, спят мало, работают тяжело, молятся часами, живут в холоде, да еще и трахаться нельзя. Тут кто угодно кликушей станет. Нет, надо убираться прочь, пока крыша не поехала.

Только вот странные шепоты... она ведь сама их слышала. Как объяснить это?

Сестра Мария прошептала прямо в ухо:

– Монастырь проклят.

– С чего ты взяла? – фыркнула Настя.

– Нечисто здесь с самого начала. Его построили почти двести лет назад. Тогда и началось... – Девушка перекрестилась в темноте.

– Что началось?

– Раз в году, перед Днем Всех Святых, в нескольких сестер вселяются бесы. Так было всегда. А первая аббатиса, говорят, исчезла прямо из своей кельи. Пропала, как ее и не было, с тех пор так и не нашли.

– Так, может, сбежала?

– Она была немолодая женщина, – с укором проговорила сестра Мария. – Верная служительница Господа. Вся ее жизнь была посвящена богу. Нет, тут другое. – Девушка замолчала.

– Что? – поторопила Настя.

– Говорят, ее убил сам враг человеческий. С тех пор призрак матери Катарины бродит по монастырю и сводит с ума сестер.

Как у них тут все просто, подумала Настя. Враг человеческий то, враг человеческий се... Крыша поехала – нечистый виноват, монашку пришили – тоже он. Чума, холера, понос и золотуха, неудачные роды, импотенция, измена жены, повышение цен на масло, а также неурожай репы и прокисшее молоко – все проделки дьявола. Как успевает? Бедняга, наверное, с копыт сбился, пакостя по мелочи людскому роду.

– Теперь инквизиция к нам придет, – продолжала сестра Мария. – Больше мать Анна скрывать не сможет...

Монастырский колокол пробил двенадцать раз.

– Вот и вставать надо, – грустно проговорила сестра Мария. – Ко всенощной пора.

Настя поднялась. Опоздание считалось серьезным проступком, обычно наказывалось ночным бдением.

В сумерках монахини спешили в храм, скользили быстро, бесшумно, опустив глаза. Они напоминали Насте вереницу серых призраков – тусклых, невыразительных, бесчувственных ко всему. Она в который раз пообещала себе сбежать из монастыря при первой же возможности.

Вдруг процессия замедлилась, потеряла стройность, изогнулась и наконец замерла – впереди, на крыльце храма, что-то происходило, оттуда доносились истерические выкрики, испуганные и растерянные голоса. Сестры вокруг Насти перешептывались, бормотали молитвы. Растолкав замерших, словно беспомощные овцы, женщин, она пробралась ближе к входу в храм.

На крыльце бесновалась монахиня в изодранной одежде, царапала себе лицо, выла.

– Сестра Милдгита, сестра Милдгита, – тихо позвала ее стоявшая неподалеку товарка. – Очнись, восславь имя Господа, не поддавайся бесовскому искушению.

На мгновение бесноватая остановилась, замолчала, прислушиваясь к знакомому голосу. Лицо приняло осмысленное выражение, она озиралась, словно не понимая, где находится.

– Сотвори крестное знамение, – продолжали увещевать, – «Во имя Отца, Сына...»

– И Святого Духа?.. – взвизгнула сестра Милдгита. – Вот тебе!

Она схватилась за ворот своего платья, с удивительной для женских рук силой разодрала его до подola вместе с грубой толстой рубахой. Отшвырнула обрывки прочь, опустила на колени, прорычала:

– Отче мой, сущий под землею... – оскалилась и бросилась на хрупкую монахиню.

Та не успела отскочить – зубы сестры Милдгиты впились ей в бедро.

– Пропустите, пропустите. – К крыльцу спешили сестры Ортензия и Ванда.

Могучие привратницы подхватили бесноватую, оттягивая ее от жертвы. Сестра Милдгита рычала, трясла головой, как бульдог, и так же крепко держала хватку. Разжать ей челюсти удалось, только просунув между ними большой ключ, который сестра Ортензия сняла со связки на поясе.

Сестру Милдгиту отволокли в подвал, раненую монахиню в залитом кровью платье проводили в госпиталь. Взволнованные сестры отправились наконец ко всенощной.

В храме тоже было холодно. Спать хотелось смертельно. Не вслушиваясь в службу, Настя вместе со всеми автоматически повторяла: «Аминь», изо всех сил стараясь не закрыть слипающиеся веки. Нежное пение, запах воска и пышность убранства храма навевали не благодать, а уныние. И мысли в голове тоже бродили унылые.

Что ж тут происходит? У четырех баб одновременно крыша поехала. И раньше, говорят, случаи были. Понятно: религиозная истерия в замкнутых тоталитарных сообществах распространяется со скоростью ветрянки. Но поведение монашек не походило на обычное кликушество – слишком много агрессии.

А вдруг это действительно заразно? Черт его знает, что здесь, в Средневековье, за болячки. Может, грибок какой, поражающий мозг? Надо выбирать, еще раз решила Настя.

Он рассеянно смотрел в окно. Над грязным городом висел грязный осенний день, грязные люди спешили куда-то по своим грязным делам. Ничего. Скоро на Равенсбург опустится благословенная ночь, накроет черным покрывалом человеческую нечистоту. Ночь милосердна ко всем, перед нею равны красота и уродство. Ночь прекрасна и чиста. Люди боятся ее, прячутся в домах. Он улыбнулся. Их не спасут ни стены, ни замки. Все готово. Ночь – время зверя, и сегодня зверь выйдет на охоту.

Сенкевич

Вышли, когда начало смеркаться – ради безопасности, да и Аарон сказал, что к цыганам лучше наведываться вечером, когда все возвращаются с промысла.

Табор расположился к югу от города, в лесу у подножия горы Шлосберг.

– Сюда. – Аарон отыскал узкую тропку, двинулся вперед.

Вскоре из-за деревьев послышался разноголосый гомон, потянуло запахами дыма, лошадей и жареного мяса. Тропинка привела к большой поляне, на которой стояли шатры и кибитки, горели костры. На них жарились тушки кур, куски мяса, бурлила в котелках похлебка, вокруг огня сидели смуглые люди в потрепанной одежде. Играла гитара, низкий женский голос выводил надрывный напев.

Сенкевич с интересом осматривался. Цыгане не выказали враждебности при их появлении, приветствовали Аарона как старого знакомого – видно, мальчишка часто наведывался в табор.

– Иди сюда, золотой! – Молодая цыганка помахала алхимику, подвинулась, освобождая место у костра.

Тот присел. Сенкевич опустился рядом.

– Здравствуй, Роза. – Аарон смотрел на девушку с детским восторгом.

– Здравствуй, золотой. Зачем сегодня пришел? Есть кости летучих мышей, жабий камень, змеиная кожа.

– Нет, сегодня ничего покупать не буду. Я товарища привел...

Роза улыбнулась, показав крупные белые зубы. Заглянула Сенкевичу в глаза:

– А тебе чего, красивый? Погадать, приворожить кого? Или, может, порча нужна?

Она была очень привлекательна. Сенкевич, сам того не желая, долго рассматривал смуглое лицо, большие черные глаза, брови вразлет, сочные полные губы. Роза отвечала прямым откровенным взглядом. Молчание затягивалось. Легко рассмеявшись, цыганка откинула с плеч кудрявые волосы:

– Так что, красивый? Или онемел?

– Погадай. – Сенкевич протянул ей последний пфенниг.

– Убери. С тебя денег не возьму. Дай руку.

Коснулась ладони тонкими грязноватыми пальцами, внимательно рассматривала что-то в переплетении линий. Потом нахмурилась:

– Непонятно, красивый. Ох, непростой ты человек, и судьба у тебя непростая... Сейчас на картах раскину.

Достала из широких юбок потертую засаленную колоду, разложила прямо на земле. Сенкевич таких карт никогда не видел. Рисунки на них были сделаны вручную, словно бы неумелой рукой, и уже выцвели. Но ложась на землю, они будто оживали, и казалось, фигурки шевелятся под неверным светом костра.

– Не оттуда пришел, не туда уйдешь, красивый, – непонятно говорила Роза. – А ты уме-лец. – Смуглый палец ткнул в карту, на которой был изображен человек за столом. – И удача с тобой всегда рядом. Люди особые тебе нужны, вижу. Найдешь. Ищи большой серый дом с рыжим котом и белого человека под землей.

– Как это понимать?

– Ты умный, поймешь, – улыбнулась девушка.

– Что еще скажешь?

– Все у тебя будет, красивый. – Цыганка перевернула следующую карту, почему-то помрачнела. – И богатство будет, и удача не подведет. Только вот в конце плохо... смерть выпадает. Не тебе, красивый.

– А кому?

– Много крови будет, – вздохнула Роза. – Зверь придет.

Ее гортанный голос завораживал, красивое смуглое лицо в отблесках костра выглядело одновременно притягательным и зловещим, словно у безумной пифии.

– А то, чего я хочу... оно получится? – тихо спросил Сенкевич.

– Выйдет, красивый. Выйдет, да не то...

Роза достала из колоды последнюю карту, взглянула, рассмеялась и сунула за пазуху.

– А это тебе знать пока не надо, красивый. Это пусть мне будет.

– Пойдешь со мной? – спросил Сенкевич.

Она даже не спросила, куда и зачем. Снова расхохоталась:

– А это, красивый, как карта ляжет да как судьба покажет.

Сказала так, что он понял: бесполезно настаивать.

Переборы гитарных струн сделались быстрее, женский голос запел что-то веселое, озорное.

– Спляши, Роза! Роза, пляши! – раздались выкрики.

Девушка поднялась гибким движением, гордо вскинув голову, вышла в середину поляны. Замерла на мгновение, давая всем полюбоваться на себя. Повела плечами, вскинула руки, прищелкнула кастаньетами, притопнула и взмахнула широкими юбками, на мгновение показав стройные ноги.

Это не походило на привычную «цыганочку», скорее напоминало испанский танец – гордый, безудержный. Сенкевич не отрываясь смотрел на Розу, облитую огненным светом. В движениях ее, в повороте головы, улыбке было что-то древнее, дикое, заражающее животной страстью.

Очнувшись, потянул Аарона:

– Пойдем.

Роза отказалась уходить с ним, а других он не захотел уговаривать. Ощущал идущую от нее силу, понимал: она лучшая здесь. Что ж, придется подыскивать другого человека, равного ей по возможностям.

Он встал, двинулся к тропинке, подавляя желание обернуться и еще раз посмотреть на цыганку.

– Правда, красивая? – вздыхал по дороге Аарон.

Сенкевич не ответил. Он до сих пор видел перед собой гибкую фигуру, пляшущую в свете костра. Давно его так сильно не тянуло ни к одной женщине.

Эльза храпела в углу. Сенкевич с Аароном поужинали сыром и хлебом, улеглись рядом с хозяйкой. То ли дело было в чертовых блохах, то ли в воспоминаниях о цыганке, но Сенкевич долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок, ощущая странную ломоту в костях. И курить хотелось смертельно. Такого даже в зоне не было, там всегда можно найти сигареты. Чертово Средневековье... Чем можно заменить табак? Вспомнил: дед рассказывал, что в войну заядлые курильщики делали самокрутки из какой-то травы. Только вот из какой?.. Сколько он ни напрягал память – так и не сумел вытащить нужную информацию. Наконец толкнул в бок алхимика:

– Аарон! Спишь?

Мальчишка заворочался, хрипло спросил:

– Что?

– Ты ж у аптекаря работал. Не захватил оттуда каких травок?

– Есть один сбор. – Аарон сполз с постели, побрел в угол, повозился там, протянул холщовый мешочек: – Вот.

Сенкевич потрогал содержимое мешочка: сухая измельченная трава, на ощупь в точности табак. Понюхал: пахло приятно – пряно, горьковато, почему-то знакомо. Спросил на всякий случай:

– Не ядовитый?

– Нет, сонный, – утешил парень, – успокаивает. Только его надо в кипятке заваривать, в пропорции...

– Бумага есть? – перебил Сенкевич.

– Книга только. – Аарон подал потрепанный томик.

Страницы были толстоватые, засаленные и тоже пахли травой. Хрен с ним, решил Сенкевич, все равно другой нет. Зажег свечу и принялся за работу: оторвал полстраницы, не обращая внимания на протестующий шепот алхимика, неловко свернул самокрутку. Оценивательно посмотрел на кривоватое изделие, прикурил от свечи, затянулся. В горло ударило непривычно едким дымом, завоняло паленой бумагой. Сенкевич зашелся в кашле, отдышался, подумал, потянул еще. Вторая затяжка пошла легче. Сдержав новый приступ кашля, выкурил самокрутку.

– Что вы делаете? – страшным шепотом спросил Аарон.

Сенкевич усмехнулся. Жить стало гораздо веселее.

– Это магический ритуал? – любопытствовал мальчишка.

– Да... своего рода. – Сенкевич вдруг расхохотался.

Аарон выглядел забавно. Очень забавно. Эти лохмы, выпуклые глаза, выражение бесконечного интереса на подвижной физиономии. А уж говорил...

– Ритуал... – ржал Сенкевич, – ри-ту-ал.

Слово было невыносимо смешным. И голос Аарона, и дом этот, и тряпки, на которых приходилось спать. Смешными были и мухи, ползавшие по стенам, – какого черта они тут делают, в октябре-то? А уж каким забавным увиделось его собственное положение – сидит здесь в нищей хибаре, слушает храп грязной шлюхи, беседует с малолетним придурком о ритуалах, курит травку... Стоп! Травка... Сенкевич снова разразился хохотом. Между приступами смеха выдавил:

– Что за траву ты мне дал?

– Так сонный сбор, – развел руками алхимик. – Маковая соломка и немного конопли.

– А-а-а-а! – завыл Сенкевич. – Так я дури нашмалялся, сейчас еще по хавчику прибьет. То-то слышу, запашок знакомый...

Он рухнул рядом с Эльзой, сотрясаясь от хохота. Постепенно сознание прояснилось. Такая альтернатива табаку не годится, с сожалением подумал Сенкевич. Ему здесь нужна трезвая голова.

Наконец он задремал и увидел красивый радужный сон. Кажется, там были розовые пони и горшочки с золотом.

Глава четвертая

Дан

– Ганс, Клинок... – взгляд брата Готфрида обежал казарму, – еще ты, барон, и ты, Энгель... – Щуплый сероволосый парнишка скорчил недовольную гримасу, шагнул вперед. – Сегодня отправляетесь в помощь ближним. Ступайте в оружейную.

Хмурый пожилой оружейник кроме мечей выдал еще и длинные пики. Оставалось только гадать, на кого с такими предстоит идти.

Отрядом из семи солдат и четырех учеников командовал Волдо – один из наставников-мечников. Ближние кроме мечей и пик были еще вооружены луками.

– Сегодня идем в Ребедорф, – мрачно сказал Волдо. – Там стая волков объявилась. Всех овец перерезали. Жители донос написали.

– На волков? – тихо фыркнул Андреас. – Я наивно полагал, господа, что защита стада – занятие для пастухов и охотников, а не для воинов инквизиции.

– Молчать! – рявкнул Волдо. – Святая инквизиция защищает от зла стадо господне! Люди говорят, это не простые волки...

Все осенили себя крестным знаменем, кроме Дана. Заметив устремленные на него взгляды, он спохватился и тоже перекрестился – нельзя отличаться от других.

– Вервольфы? – ворчал по дороге Андреас. – Невозможно, друзья мои. Вервольфы не нападают на овец, их добыча – люди. Женщины. И это вполне понятно. Я бы тоже на овцу не посмотрел... К чему, если есть прелестные юные девы?

– Что-то будет. – Ганс вдруг остановился, нелепо взмахнул пикой, словно знаменем, потом уставил ее на Андреаса. – С тобой что-то будет...

К нему подскочил Энгель, опустил пикку, прошипел:

– За такие прорицания сам на костер угодишь. Связался же с вами, дураками... – Он пренебрежительно оглядел товарищей, сплюнул и отошел в сторону.

Мы ему явно не нравимся, подумал Дан. У него Энгель тоже доверия не вызывал. Какой-то незаметный, тихий, с бегающими водянистыми глазками – в общем, себе на уме. Еще он не раз замечал: Энгель словно бы кого-то боится, на улице прячет лицо под капюшоном плаща и все время воровато оглядывается. Единственным плюсом парня в глазах Дана явилось то, что он не принял участия в избиении Андреаса. Впрочем, Энгелю просто ни до кого не было дела.

Маленькая деревенька Ребедорф прилепилась к Равенсбургу, почти смыкаясь с его стеной. Отряд пришел, когда уже начало смеркаться. Серое небо сорило редкой моросью, становилось все холоднее, плащ не спасал от промозглого ветра. В деревне было безлюдно, жители попрятались в ожидании ночи. Волдо осмотрелся, подошел к самому большому дому, громко постучал.

– Кто там? – спросил дрожащий голос.

– Воины Христа! Открывай, именем Господа!

– Бог услышал наши молитвы! – обрадовались за дверью.

На крыльцо вышел пожилой мужчина – блестящая лысина, тройной подбородок, из-под расстегнутого кафтана сыто выпирает брюшко. Он подслеповато сощурился, поднял масляный светильник. Рука заметно подрагивала:

– Добро пожаловать в Ребедорф. Я Одо Леманн, староста.

– Так это ты с доносом приходил? Что же не встречаешь гостей?

– Страшно, добрые господа... Из домов после заката не высовываемся, волки по улице бродят.

– Разве в деревне мало мужчин? Неужели нет охотников?

– Нанимали одного, – зачастил староста. – Остался на улице караулить, а наутро пропал. То ли испугался да сбежал, то ли волки его сожрали. А только, господин, ни клочка мы не нашли. И капканы ставили, но ни один волк в них не попался. Обходят. Непростые это звери, господин. Вервольфы!

Точно в подтверждение его словам издали, со стороны леса, донесся тоскливый вой.

– Слышите? – Одо затрясся, словно в лихорадке. – А сегодня ведь полнолуние...

– Ну волк воет, – равнодушно ответил Волдо. – Ты лучше скажи, знаешь ли, что кормить мой отряд, пока он здесь, должен Ребедорф?

– Да у нас уж все готово! – засуетился староста и замер, вслушиваясь в вой, который как будто приближался. Ему явно не терпелось спрятаться за дверь. – Входите, входите скорее, добрые господа!

В просторной комнате было тепло. Топился большой очаг, отбрасывая уютные блики на длинный стол, возле которого пухленькая молодая девушка в белом чепце расставляла тарелки с едой.

– Моя дочь Кильхен, – кивнул староста.

Андреас тут же приосанился, откинул с плеч белокурые локоны, с интересом оглядел аппетитную фигуру девушки. Та метнула на него лукавый и неожиданно откровенный взгляд.

– Ступай, Кильхен, – прикрикнул Одо. – Господа без тебя поужинают.

Девушка, повиливая пышным задом, удалилась за занавеску, которой была разгорожена комната. Андреас разочарованно вздохнул.

– Садитесь, добрые господа, у нас просто, но сытно, – пригласил староста.

Котел с аппетитно пахнущей мясной похлебкой, к ней – наломанный крупными кусками хлеб и вареная репа. Рот наполнился слюной. Дан уселся на длинную лавку, взял ложку...

– Помолимся, – сказал Волдо.

Проклятая забывчивость... Дан сложил перед собой руки, скроил подобающую благочестивую мину, сделал вид, что слушает слова молитвы. Вот ведь как в него врос атеизм! Вроде бы, оказалось, и ведьмы настоящие на свете есть, и колдуны, и бесы – что это, как не создания Сатаны? Но если признать его существование, значит, и Бог тоже существует. Но в него упорно не верилось.

Молитва закончилась, ближние принялись за еду.

– Уж простите, что небогато, – извинялся староста. – Урожай морозами побил. Вот, репы достаточно только. Недаром Ребедорф¹³ так зовется. Но народ, кто победнее, уж голодает... Так что вы, добрые господа, в других домах хлеб не ешьте.

– Польнь? – понимающе спросил Волдо.

– И конопля, и мак – чего только не добавляют, чтобы прокормиться... А у нас хлеб чистый, угощайтесь, добрые господа.

– Скот-то в деревне остался? – спросил Волдо.

– Половину адские твари повырезали, – загрустил староста.

– Овцы есть у тебя?

Лоснящаяся физиономия Одо сделалась совсем уж скорбной:

– Есть...

– Возьмем овцу для приманки. Сами будем в яслях караулить, чтоб наш запах зверя не отпугнул, – заметив, как затрясся староста, Волдо хлопнул его по плечу, расхохотался: – Не бойся! Воины Христовы с колдунами справляются, а уж с волками легко разделаемся.

– Видит Бог, добрый господин, не волки это!

– Да с чего ты взял?

¹³ Rube – репа (нем.)

– Видал я их жоака, добрый господин. Наглый зверь, никого не боится. Однажды ночью слышу – скребется кто-то под окошком. Я свечу зажег, выглянул. А там он... Клыки – вот такие! – Староста показал большой палец. – Глаза огнем горят. А сам с теленка величиной, волки такими не бывают.

– Волк это был, – усмехнулся Волдо. – Просто матерый и раскормленный на вашей скотине. Вервольфы убивают женщин и детей. Вот скажи: у вас хоть одна девка пропала? Или ребенок?

– Нет, Господь в своей милости хранит...

– Значит, это не вервольф. Про них уже лет сто ничего не слышно. Может, вымерли все...

Так. Ладно. Вставайте, – скомандовал Волдо. – Пора за дело.

Наступила ночь, черная, непроглядная, диск полной луны занавесили тучи. Ледяной ветер насквозь продувал плащи, швырял в лицо мелкую снежную крупу вперемишку с холодной моросью, приносил из леса отчаянный волчий вой.

Староста, испуганно оглядываясь и вздрагивая, шел впереди, освещал дорогу.

– Вот они, ясли, – признался печально.

В деревянном строении было почти так же холодно, как на улице, остро пахло навозом и мокрой шерстью. Сбоку на насесте дремали куры.

– Там, за перегородкой, что? – спросил Волдо.

– Сено...

– Крыша, смотрю, деревянная. Крепкая?

– Недавно чинили.

– Хорошо. Выбирай овцу.

При виде гостей пять овец, жалобно бля, сбились в кучу.

– Мои бедняжки... – прослезился Одо.

– Вот эту возьмем, самую тощую, – смягчился Волдо.

Несчастное животное привязали к колышку шагах в десяти от яслей. Овца тряслась то ли от страха, то ли от холода: морось превратилась в ледяной дождь, который расквашивал землю.

Староста трусцой вернулся в дом.

Волдо поставил трех лучников на крышу, остальным пока велел ждать в яслях. Ученикам приказал не высовываться:

– Только под ногами путаться будете.

Вчетвером они устроились на охапке соломы.

Вой все приближался.

– Что-то будет, – бормотал Ганс. – Барон, осторожнее. Осторожнее, барон...

– Прекрати! – рассмеялся Андреас. – Подумай, друг мой: что могут сделать мне обычные волки? Они умные звери, боятся людей и близко не подходят, я тоже не испытываю желания к ним подходить. Чего не скажешь о дочке старосты, вот к ней я бы подошел. Милая девица...

Он сладко вздохнул.

– Молчать! – шикнул Волдо.

Вой зазвенел над деревней. Волдо прикинул к щели в стене, шепнул:

– Идут. Клинок, поглядеть хочешь?

Дан встал рядом. Тучи освободили небо, роняя последние капли дождя. В мутном свете луны бесшумно скользили черные силуэты. Два волка-разведчика сначала обежали улицу, потом подкрались к овце. Та дрожала и бляла, беспомощно меся копытами жидкую грязь. Волки так же тихо исчезли, но вскоре вернулись со стаей.

«Пять... семь... десять... тринадцать...» – считал про себя Дан. Звери окружили овцу, крупный волк прыгнул на нее, в один укус перервал горло и попытался уволочь. Помешала веревка, волк принялся перегрызать ее под рычание и поскуливание стаи.

– Вперед! – крикнул Волдо и стукнул пикой в потолок, подавая сигнал.

С крыши полетели стрелы. Четверо ближних во главе с командиром выступили из яслей, подняли луки. Один короткий взвизг, другой, третий – волки падали, выли, извивались от боли. Повелительный рык вожака – стая отступила. Несколько черных тел остались лежать в грязи, содрогаясь в предсмертных судорогах.

– Давай! Давай! – кричал Волдо, накладывая новую стрелу.

Еще два волка упали, остальные понеслись прочь, петляя и уворачиваясь от стрел. Больше лучники не сумели достать зверей.

Вожак – огромный, матерый, вдвое крупнее остальных волков, уходил последним. Он остановился, бросил взгляд на тела своих собратьев, потом – на людей. Стрела вонзилась в грязь прямо возле его лап. Волк даже не шевельнулся, продолжал смотреть, будто запоминая обидчиков. Дану вдруг показалось, что горящие глаза вожака глядят прямо на него. Он даже ощутил желание отшатнуться, спрятаться от пронизывающего желтого взгляда. Потом одернул себя: это просто животное...

– А ведь и правда, словно нечисть какая-то... – прошептал рядом Андреас, словно в ответ на его мысли. – Господи, спаси и сохрани...

– Стреляйте в него! – орал Волдо.

Свистнули стрелы, но ни одна не достигла цели: волк был словно заговоренный. Наконец он развернулся и в несколько прыжков догнал стаю.

– Жаль, не смогли вожака достать, – посетовал Волдо.

Он подошел к волкам, пересчитал:

– Семь. Хорошо.

– Больше не придут, побоятся, – заметил кто-то из ближних. – Хитрые звери.

– Не придут. Уж мы позаботимся.

Волдо мечом добил одного из агонизирующих зверей:

– Рубите им головы. Отдадим Одо, пусть насадит их на пики и поставит вокруг деревни. Тогда волки точно больше не сунутся.

Разбуженный староста долго ужасался и благодарил защитников. Ему из-за плеча вторила хорошенькая дочка, даря Андреасу такие восхищенные взгляды, словно это он один голыми руками справился со всей стаей. Барон важно кивал и загадочно улыбался.

– Теперь моему отряду нужно место для ночевки, – сказал Волдо.

– Входите, добрые господа, – запричитал староста. – У нас всем места хватит.

Усталые, промокшие ближние заворачивались в плащи, укладывались на пол.

– Клинок, Ганс, в караул, – приказал Волдо. – А ты куда собрался?

Андреас направился к двери вслед за друзьями.

– Душно здесь, – вздохнул он. – Я, пожалуй, найду себе скромный приют в яслях, на сене...

– Барончику наша вонь не по нутру, – рассмеялся Энгель.

Снова полил дождь. Дан с Гансом обошли деревню, потом устроились под крышей яслей. Андреас как всегда витиевато пожелал спокойной ночи и удалился за перегородку, на сеновал.

– Плохо... – прошептал Ганс, глядя ему вслед.

– Что плохо? – спросил Дан, которого давно уже удивляли высказывания товарища.

Тот помолчал, потом неожиданно внятно ответил:

– Беду я чувую, с детства такой. Матушка говорила, колдовство это, молиться надо, только не помогло. Вот, пошел в Христовы воины. Но все равно вижу...

Такая длинная речь поразила Дана: Ганс высказался связно впервые с момента их знакомства.

– А что ты чувствуешь? Что будет с Андреасом?

– Не знаю, – грустно пробормотал Ганс. – Я глупый. Только чувую, что беда будет, а больше ничего не понимаю.

Отклонения в психике? То, что психологи называют тревожностью? Просто странность? Или настоящий дар предвидения? Здесь, в этой удивительной эпохе, Дан уже убедился: сверхъестественные явления возможны. В любом случае, скоро будет видно, подумал он. С Андреасом либо случится беда, либо нет. Но что может случиться, пока он дрыхнет на сеновале?

– Пойду я, деревню обойду, – сказал Ганс. – А потом ты. Чего вдвоем мокнуть?

Он с кряхтением выбрался из яслей, захлопал башмаками по грязи.

Дан задумался. Как все же найти Настю? Казалось, прогуливаясь по улицам Равенсбурга, он заглянул под чепцы уже всем горожанкам – благо те ничего не имели против внимания прославленного Клинка инквизиции. Но ни одна из них не была Настей. Возможно, подруга в какой-нибудь из окрестных деревень? Он решил с утра пообщаться со всеми женщинами Ребедорфа. Если и здесь не найдется – потребуется время, чтобы ее отыскать. Придется обходить каждый дом Равенсбурга.

Еще грызла мысль: что, если он не успеет поймать Сенкевича, вдруг тот уже вернулся в свое время? Хотя Дан как будто чувствовал: пока его враг все еще здесь. Была какая-то внутренняя уверенность. Может, надежда? Недобитые в часовне колдуны на допросе показали, что один из их секты, Фридрих Берг, сбежал. Судя по описанию, это был человек, в котором Дан узнал Сенкевича. Шпренгер тут же отправил ближних в дом Берга, но там колдуна не было.

Печальные раздумья не помешали ему заметить тень, промелькнувшую от дома старосты в сторону яслей. Сначала Дан решил, что это возвращается Ганс, но человек был гораздо ниже ростом, шагал легко, почти неслышно.

– Стой, кто идет? – по-уставному рявкнул Дан. Чуть не добавил: «Стрелять буду», да вспомнил, что не из чего.

Тень замерла. Потом раздался робкий женский голос:

– Я это, добрый господин... Кильхен.

Стало неудобно: девчонка, наверное, по нужде выбежала, а он тут ее пугает.

– Прости, – буркнул Дан. – Проходи, куда шла...

Кильхен скользнула за ясли и исчезла. Вскоре с сеновала донеслись шорохи, писк и торопливый шепоток. Дан заглянул в щель между досками: глаза уже привыкли к темноте, поэтому он сумел рассмотреть три светлых пятна во мраке: пухлые ляжки Кильхен и мернодвигающийся между ними зад Андреаса. Барон сопел, девчонка подвизгивала в такт.

Усмехнувшись, Дан отошел: если это – та самая беда, которую пророчил Ганс, то все не так страшно. Оставалось лишь надеяться, что девка ничем не больна. Дан понятия не имел, как в Средневековье обстоят дела с венерическими болезнями. СПИДа точно нет, уже хорошо, решил он.

Вернулся промокший, грязный Ганс, доложил, что в деревне все спокойно.

Ночь прошла мирно. Ганс с Даном по очереди патрулировали Ребедорф. Волки больше не появились. В яслях было тихо, лишь сонно квохтали куры, да возились на сеновале Андреас с Кильхен.

Миновал самый черный предрассветный час, темнота стала не такой густой, постепенно выпускала деревню из объятий, делая очертания домов и деревьев все более четкими.

– Скоро хозяйки проснутся, – потянулся Ганс.

– Пойду посмотрю еще раз, – решил Дан.

Дождь лил по-прежнему. И без того мокрый плащ обвис тяжелыми складками, волочился по грязи. Дан прислушивался, но не улавливал никаких звуков, кроме ударов дождевых капель о землю, свиста ветра и скрипа деревьев. Ни в одном из домов не горел свет – деревня то ли все еще спала, то ли таилась в страхе до рассвета. Дан собрался было возвращаться. Вдруг звуки непогоды взрезал жуткий, полный ужаса женский крик – взвился до высокой ноты, перешел в отчаянный визг и оборвался...

Дан выхватил меч, оскальзываясь на грязи, кинулся на вопль, который прозвучал совсем рядом, как ему показалось, за ближайшим домом. Никого. Побежал дальше. Пусто.

– Эй! Кто здесь?

Он метался между домами, пока не столкнулся с Гансом и Андреасом. Барон, без рубахи, в плаще на голое тело, на ходу завязывал тесемки штанов.

– Что это было?

– Что-то будет... – эхом отозвался Ганс.

Втроем они снова обежали деревню, заглянули во все закоулки, сараи, ясли – ничего.

– Надо обшаривать кусты, – решил Дан. – Потом, если что, в лес пойдем.

В лес идти не пришлось. Она лежала в колючих зарослях за часовней. Дождь склеивал белокурые волосы, наполнял водой широко открытые, блестящие, словно живые еще глаза. Капли стекали по щекам, и казалось, Кильхен плачет. От платья и передника остались одни клочья, которые не могли прикрыть изуродованное страшными ранами тело. Кто-то – или что-то – вырывал целые куски плоти.

– Ее жрали, – прошептал Ганс. – Волк...

Дождь поливал оголенное мясо, осветлял, вымывая кровь из ран длинными розовыми нитями.

– Доченька... – простонали за спиной.

К трупам, шатаясь, шел Одо. Дан оглянулся: вокруг собирались селяне.

– Доченька моя единственная... – выли староста, – утешение мое...

Он упал на колени, пополз по грязи к кустам, раздвинул шипастые ветки голыми руками.

– Доченька... – Рыдая, гладил мокрые волосы, обнимал, баюкал как ребенка. – Кильхен моя... Будь проклят тот, кто это с тобой сделал...

– Оборотень, – шептались крестьяне. – Вервольф в Ребедорфе появился...

– Не надо было волков бить, – строго произнесла какая-то старуха. – Он отомстил за свое племя, вервольф...

Подошел хмурый Волдо, строго спросил:

– Вас зачем в караул поставили? Как недоглядели?

Староста вдруг поднял голову, отыскал взглядом Андреаса, долго смотрел ему в глаза. Потом вскинул дрожащую руку, выкрикнул с ненавистью:

– Вот он, убийца! Я сквозь сон слышал, как дверь хлопнула! Она к тебе ходила!

– Это правда? – спросил Волдо.

Обычное красноречие отказало Андреасу, и он лишь растерянно кивнул.

– Бей вервольфа! – яростно выкрикнули из толпы.

– Голову ему отрубить!

– Колом сердце проткнуть!

– Сжечь, сжечь надо! Нечисть только огнем изводится! – визжала старуха.

А ведь Ганс был прав, мелькнула мысль. В конце концов с Андреасом случилась беда...

Люди подступили почти вплотную, беря ближних в кольцо. Мокрые от дождя лица кривились ненавистью и страхом. Откуда-то в руках появились колья и топоры:

– Воины Господни? Катывайте, убийцы! Мы вас на защиту звали!

– Назад! – рявкнул Волдо, обнажив меч.

Остальные ближние сделали то же самое. Крестьяне отпрянули.

– Именем Господа, приказываю: расходитесь по домам! Это дело святой инквизиции.

– Своих защищаешь? – прорыдал староста. – А кто защитил мою Кильхен?..

– Если он виноват, будет сожжен, – отрубил Волдо. – А тебя вызовут к инквизиторам для допроса, там все и расскажешь.

Обезумевший от горя Одо снова разразился слезами. По приказу Волдо ближние скрутили Андреаса руки.

– Я не виноват! – выкрикнул тот. – Я ничего ей не сделал! Переспал только, а потом она ушла!

Дан тихо произнес:

– Мне нужно осмотреть тело и место вокруг него.

Волдо удивленно вытаращился на него:

– Зачем? И так ясно, что она мертвая.

И как объяснить ему, что такое осмотр трупа и места преступления? А даже если и втолкуешь, как обосновать такие знания у простого солдата? Дан решил воспользоваться статусом Клинка инквизиции, беззастенчиво соврал:

– Мне был голос. Господь указал, что делать. Здесь есть следы убийцы.

Волдо недоверчиво покосился, но ничего не сказал, лишь молча кивнул. Ближние оттащили плачущего Одо. Дан обошел вокруг кустов, внимательно глядя под ноги. Если какие-то следы и были, их давно уже размыл дождь. Приблизился к Кильхен, склонился над телом.

Он насчитал десять ран – неровных, глубоких, окруженных кровоподтеками. Правая грудь была выдрана полностью, левое плечо разорвано до кости. Вокруг увечий явственно виднелись следы огромных клыков. Ганс был прав: девушку просто сожрали. Какой величины должна быть пасть, какой силы сжатие челюстей, чтобы выкусывать такие куски плоти? Эксперта бы сюда да оборудование лабораторное... Но и без них Дан мог сказать: ни собаке, ни волку такое не под силу. Разве что льву. Но откуда здесь взяться львам?

Кильхен должна была испытывать страшные муки и умирать долго. Но почему она так мало кричала? Потеряла сознание от ужаса и боли? Дан осторожно отодвинул пряди мокрых волос, закрывавшие шею девушки. На коже виднелись темные следы и глубокие царапины. Дан ощупал горло: гортань не раздавлена, да и лицо не побуревшее – причиной смерти была не асфиксия. Убийца лишь слегка придушил Кильхен, отключил ее, чтобы не трепыхалась, а потом жрал. Живую. Пока не истекла кровью.

Его внимание привлек маленький темный комочек, висевший на колючей ветке возле головы жертвы. Дан снял его, потер в пальцах. Это был клочок серой шерсти.

Настя

– Они здесь, – испуганно прошептала сестра Мария.

– Кто?

Настя только что пришла из прачечной к трапезе. Стояла перед столом в ожидании аббатисы, с вожделением глядя на кусок хлеба. Шел третий день ее наказания. Руки покрылись волдырями – ожоги от щелока, горло саднило от ядовитых испарений, спина разламывалась, сказывалось хождение с ведрами и многочасовое стояние над чанами. Судя по тому, как болталась монашеская одежда, Настя сбросила не меньше пяти кило. Ни с каким фитнесом не сравнить, ни с какой силовой тренировкой, мрачно размышляла она. Сюда, в прошлое, путевки бы продавать всем любительницам фастфуда и шоколадок.

– Инквизиторы приехали, – едва слышно проговорила сестра Мария. – После трапезы будет допрос.

Вошла мать Анна, и девушка замолчала. Настю новость не очень взволновала, хотя на инквизиторов посмотреть было любопытно. Однако гораздо интереснее сейчас выглядел хлеб – порция была так мала, что даже не притупляла чувства голода, а ведь требовалось еще запастись сухарей – не пускаться же в дорогу без провизии. Она решила отложить побег до окончания своего покаянного поста. Нужно прийти в себя, отдохнуть, отъестся хоть немного.

После трапезы аббатиса объявила:

– Сестры, сейчас по одной вы пойдете во внешний двор. Там, в гостевом доме, ждет брат Яков, следователь святой инквизиции. Он допросит вас о недавних прискорбных случаях. Вы должны говорить правду, как на исповеди. – Мать Анна интонацией подчеркнула слово «правда». – Помните: отвечая инквизиции, вы отвечаете Господу. Все останутся в трапезной, пока не закончится допрос. Первой идет сестра Ортензия.

Широкоплечая монахиня перекрестилась и вышла. Потянулись минуты ожидания. Настю это только обрадовало – не нужно идти в опостылевшую прачечную, можно дать отдых натруженной спине и рукам. Она смотрела на стол, по которому лениво ползла крошечная мушка.

Сестра Ортензия вернулась, чинно уселась на свое место. Настала очередь сестры Ванды, потом сестры Марты, сестры Катарины...

Настя заметила, что все монахини проводили на допросе разное время. Одни возвращались вскоре после ухода, другие задерживались надолго. Наконец вызвали сестру Марию. Когда аббатиса назвала ее имя, губы девушки задрожали, глаза наполнились слезами. Настя встретилась с нею взглядом, едва заметно кивнула, пытаясь подбодрить – с ее точки зрения, подруга была слишком уж трепетной.

Сестры Марии не было очень долго. Вернувшись же в трапезную, она выглядела так, словно побывала не на допросе у инквизитора, а по меньшей мере на ознакомительной экскурсии в преисподней, где ей предложили присесть голым задом на раскаленную сковороду. Сдерживая слезы, девушка уселась за стол, а мать Анна произнесла:

– Сестра Агна, твоя очередь.

В гостевом доме наружного двора было пусто – все постояльцы куда-то делись, наверное, освободили помещение по требованию следователя. Он сидел за столом, разложив перед собой какие-то бумаги – широкоплечий темноволосый человек с орлиным носом. За его спиной стоял амбал-охранник в монашеском одеянии.

Настя много читала о деятельности инквизиции, в том числе о ее манере сжигать женщин за ведовство. Но она не испытывала страха, скорее, любопытство: интересно было сравнить средневековые методы ведения допроса с теми, к которым она привыкла.

– Мир тебе, сестра. – У инквизитора оказался красивый густой баритон. – Садись. – Он дождался, пока Настя устроится на скамье у стола, потом спросил: – Как твое имя?

– Сестра Агна.

Следователь нахмурился, пошуршал бумагами, пробежал взглядом по записям:

– Три дня назад ты проявила непочтительность к аббатисе, отказалась от пострига, вела себя странно и непотребно, дралась, выкрикивала ругательства. Как ты это объяснишь, сестра?

Настя смиренно повторила версию о греховном соблазне и несчастной любви.

– Женщина – сосуд греха. – Инквизитор возвел глаза к потолку, словно призывая Бога в свидетели безобразий, которые ему тут приходится наблюдать. – А скажи, сестра, не бывает ли у тебя ощущения, что тобою кто-то управляет? Что кто-то поселился в твоей голове, заставляет тебя говорить не своим голосом, выкрикивать слова, которые ты произносить не хочешь?

– Нет, брат Яков, такого не бывало.

– Может быть, у тебя случаются видения? Или одолевают смутные желания совершить непотребное?

Настя решительно ответила, что никаких непотребных желаний, кроме желания быть с любимым, она не испытывает, да и то в последнее время подавляет молитвой и постом.

Шпренгер долго сверлил ее испытующим взглядом, потом сказал:

– Все же твоя грубость во время пострига была странной, сестра Агна. Что ж, ступай. Мать Анна просила за тебя.

Положительно, отвратное место, думала Настя, возвращаясь к трапезной. Молитвы, рабский труд, призраки, чокнутые монашки, инквизиторы, призраки какие-то... Она решила не тратить времени на подготовку и сбежать сегодня же. Лучший план – это его отсутствие, лучшая стратегия – спонтанность.

Настя принялась инспектировать память девицы фон Гейкинг. Юная дворяночка не много знала о городе – всю жизнь просидела взаперти за вышиванием. Насте удалось выжать лишь приблизительную картину: ратуша, площадь перед ней, главные улицы города, храм. Что находится на окраине – Одиллия-Агна понятия не имела, зато припомнилась любимая тетушка Гретель.

Старушка приходилась кузиной ее отцу. Жила в большом доме одна, не считая пожилой подслеповатой служанки. Это было нехорошо, что признавали все родственники, но желающих принять у себя тетушку Гретель не находилось – дама обладала на редкость жестким и склочным характером. Да и сама тетушка не раз говорила, что переедет к дражайшим родичам, лишь когда обезножееет и начнет ходить под себя. Разумеется, вся семья надеялась, что старушка умрет прежде, чем такое случится.

Иногда тетушка наезжала в гости к фон Гейкигам, ее появление было разрушительным, как смерч и цунами одновременно. Она бесцеремонно вмешивалась во все разговоры, лезла в дела, раздавала указания и страшно злилась, если не получала в ответ почтительных благодарностей. Никто из родственников не мог поставить скандалистку на место: тетушка Гретель была очень богата, и каждый надеялся стать ее наследником.

Понимая это, старушка беззастенчиво шантажировала семью, каждую неделю сообщая, что переписет завещание. На самом деле этот документ оставался неизменным вот уже шестнадцать лет: все свое немалое состояние тетушка собиралась оставить Одиллии. Девушка была единственной, кого своенравная старуха любила. Да что там любила – боготворила и обожала.

«Не смей отдавать ее этому уродцу! – вспомнился скрипучий голос тетушки Гретель. – Он по возрасту мне в женихи годится, а не нашему ангелочку!» Когда Одиллия сообщила, что скорее отправится в монастырь, нежели пойдет за постылого, старуха устроила отцу настоящую баталию: топала ногами, била посуду, грозила проклятием и лишением наследства. Не помогло, отец был непреклонен. Тогда тетушка заявила: «Лучше выкину все золото, чем оставлю семье

или монастырю!» – И удалилась, предварительно плюнув на порог и сказав, что ноги ее здесь больше не будет.

Вот к ней и надо уходить, решила Настя. Тетушка Гретель не прогонит и не выдаст. Учитывая хулиганский нрав бабки, еще и довольна останется. Вместе они что-нибудь придумают, а там можно будет и Дана с Сенкевичем искать. Старушка не станет держать ее взаперти. До Равенсбурга не так уж далеко, дом тетушки Гретель находится в центре города, припасы не понадобятся.

Настя отстояла службу, вышла из храма, но вместо прачечной отправилась в галерею, затаилась в нише. Наконец увидела пять пожилых монахинь, спешивших к воротам. Они ухаживали за больными в госпитале для нищих и странников. Настя пристроилась в хвост шествия, склонила голову как можно ниже, засемила следом, надеясь лишь на чудо. Во внешний двор допускались только старухи – очевидно, во избежание плотского греха.

Ей повезло: после очередного случая бесноватости и визита следователя в монастыре царили страх и тревога. Привратница отперла ворота, не стала разглядывать сестер, лишь рассеянно кивнула.

Во внешнем дворе былолюдно: бродили оборванные нищенки, ожидавшие раздачи хлеба после вечерней трапезы, чинно, взявшись за руки, прогуливались маленькие девочки из монастырской школы. Возле госпиталя сидели больные, кучка женщин собралась у аптеки, где всем страждущим выдавали лекарственные настои. Перед странноприимным домом стояли телеги, груженные бочками с медом, сырами, мешками с пряжей, аккуратно сложенными вышитыми подушками и покрывалами – все местного производства. Вдоль них прохаживался молодой монах. На продажу повезут, поняла Настя. Вот ее шанс выбраться.

Она подошла к телеге с тряпьем, сделала вид, что поправляет свесившийся край покрывала. Улучив момент, когда монах ушел в голову обоза, перебежала дальше, запрыгнула на телегу с пряжей, скрючилась, затаилась между мешками. Теперь оставалось только надеяться, что телеги выведут со двора прежде, чем ее хватятся.

– Запрягай! – послышалось наконец.

По двору застучали конские копыта. Вскоре раздался скрип ворот – обоз тронулся, выкатился с монастырского двора.

Телега подпрыгивала на ухабах так, что Настя пару раз едва не выпала. Выждав время, осторожно подняла голову, огляделась: постылое аббатство скрылось из виду, обоз двигался в сторону Равенсбурга. Настя решила, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти, и не стала выпрыгивать на ходу. Обняла колючий мешок, слушая, как скрипят колеса, устало пофыркивают лошади, солидно переговариваются монахи-возницы.

Через некоторое время к этим звукам примешался шум толпы, чьи-то повелительные выкрики, металлический лязг. Телеги остановились – обоз подъехал к городским воротам. Там должна быть стража, вспомнила Настя. Вдруг им вздумается проверить поклажу? Она напряженно ловила обрывки разговора:

– Мир вам, добрые люди, – мягкий голос монаха.

– Проезжай, – грубый, хриловатый ответ стражника.

Колеса загремели по каменной мостовой, Настя с облегчением выдохнула. Шум толпы становился все громче, движение обоза замедлялось – впереди была ярмарка. Настя выглянула наружу. Ратушная площадь, подсказала память Одиллии. Решив больше не задерживаться, она ловко спрыгнула на мостовую. В толпе, занятой торговлей, никто не обратил внимания на хрупкую монахиню, выскочившую из груды мешков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.